

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

ПЕНЬКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

А. Т. БОЛОТОВ

**И ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX В.**

Специальность 09.00.03 – История философии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

О. Б. Ионайтис

Екатеринбург – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. А. Т. Болотов и эпоха Просвещения в России	20
Глава 2. А. Т. Болотов в традициях антропологического дискурса русской философии второй половины XVIII – начала XIX в.	65
Заключение	113
Список использованной литературы	117

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Изучение истории отечественной философии всегда актуально, так как не только выявляет традиции, оформившиеся в тот или иной ее период, но и предоставляет возможность понять тенденции духовного развития страны, определившие не только прошлое, но и влияющие на настоящее, так как в истории философии «“Национальный Космос” предстает... как выражение знания Абсолюта, отраженного в формах адекватных образу жизни и способу мышления»¹. История отечественной философии XVIII столетия дает нам возможность рассмотреть не только философские тексты мыслителей этого времени, контекст в котором они создавались, но и увидеть связь между русским Средневековьем и последующими столетиями.

Изучение истории русской философской мысли имеет и этическое значение: «...историю философии, равно как и гражданскую историю, изучают не для того, чтобы указывать на ошибки предков, а для того, чтобы в прошлом найти образцы твердости духа и веры, совестливости и интеллектуальной трезвости. Только опираясь на значительность нашего прошлого, мы можем без робости входить в современность и противостоять ее тревогам»². Взаимовлияние русской философии и социальной действительности всегда было велико. Поэтому изучение одной дает возможность познать и законы развития второй.

Еще в XIX столетии профессор философии М. В. Безобразова писала: «...сколько переведено иностранного во все эпохи истории

¹ *Артемьева Т. В.* История метафизики в России в XVIII веке. СПб., 1996. С. 3.

² *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 708.

философии в России! Я не настаиваю на том, что не следует переводить – приобщение России к общей культуре великое дело, но и знать свое – та другая обязанность, которую у нас слишком часто забывают»³. И на сегодняшний день изучение наследия русских мыслителей остается актуальным.

Тот или иной период истории философии всегда ассоциируется с именами мыслителей, ставших символом эпохи. Но кроме таких символов, философский процесс всегда включает в себя и имена мыслителей, стоящих, порой, и не в первых рядах, но от этого не менее интересных, также вносящих вклад в формирование особенностей развития философии своего времени. А. Т. Болотов – пример тому. Приступая к исследованию его философского наследия, мы не просто расширяем знание о XVIII столетии, но и видим насколько идеи, определившие эпоху Просвещения, получили распространение не только в столичных философских кружках, но и в стране в целом.

Исследование философского опыта XVIII столетия имеет историко-философское и общеполитическое значение. Это и проблема нетерминологического языка, метафоризация философского языка, аллегорический и символический подтекст, морально-этическая и эстетическая аргументация философских тезисов, укоренение в национальной культуре тех или иных теоретических философских принципов. Поэтому изучение отечественной философии XVIII столетия это не только открытие неизвестных страниц истории русской философии, но и расширение знаний о традициях национальной ментальности.

Степень научной разработанности темы.

³ *Безобразова М. В.* Философ XVIII в. Григорий Теплов // *Безобразова М. В.* Розовое и черное из моей жизни. М., 2009. С. 223.

Возникновение интереса к изучению источников по русской философии XVIII в. было, несомненно, важным шагом в «открытии» XVIII столетия, так как без знания источниковедческой базы полноценного изучения любой эпохи невозможно⁴.

Важной вехой в истории изучения культуры, искусства, литературы, философии XVIII столетия является издание с 1935 г. Пушкинским Домом специальной периодической серии сборников под названием «XVIII век», которое продолжается до сего дня и является примером классических высоконаучных исследовательских работ. В ряде сборников этой серии были опубликованы статьи о творчестве А. Т. Болотова и работы самого А. Т. Болотова⁵. В 1933 г. были опубликованы некоторые работы А. Т. Болотова⁶, что привлекло к ним внимание исследователей⁷.

Начиная с 90-х гг. XX в. увидели свет многие сочинения русских философов XVIII в., которые были мало известны ранее. Изучение их сочинений дает возможность представить всю философскую палитру эпохи⁸.

На научных конференциях в последней четверти XX – начале XXI вв. были представлены доклады о веке Просвещения, что было не только

⁴ См.: *Абрамов А. И.* Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации.* Вып. 2. М., 1990. С. 48–72.

⁵ См.: *Веселова А. Ю.* Из наследия А. Т. Болотова: Статья «О пользе, происходящей от чтения книг» // XVIII век. Сборник 21. Памяти П. Н. Беркова / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 1999. С. 358–367; *Привалова Е. П.* А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. Сборник 3 / Отв. ред. Г. А. Гуковский. М.; Л., 1940. С. 242–260.

⁶ *Болотов А. Т.* Из неизданного литературного наследия // *Литературное наследие.* М., 1933. Т. 9–10. С. 153 – 221.

⁷ *Кучеров А.* Болотов – литературный критик // *Литературное наследие.* М., 1933. Т. 9–10. С. 191–193; *Морозов И.* Болотов – публицист // Там же. С. 153–163.

⁸ См.: *Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вст. ст. Т. В. Артемьевой.* СПб., 1996; *Общественная мысль России XVIII века: В 2 т. / Сост. Т. В. Артемьева.* М., 2010.

значимо для научной практики, но и для популяризации научных проблем, с ним связанных⁹.

Что касается комментариев, оценок истории отечественной философии XVIII столетия, присутствующих в учебных пособиях по истории русской философии, то, начиная со второй половины XIX – начала XX вв., таковые появляются, что, безусловно, влияет на формирование целостной картины эволюции философских идей в России¹⁰. В современных учебных пособиях, которые, большей частью, создаются не просто как учебники, но и как монографические исследования истории русской мысли, мы видим, что XVIII век интерпретируется как эпоха, связующая русское Средневековье и последующие XIX и XX века¹¹. XVIII век перестает восприниматься лишь как век европеизации России, в нем начинают видеть и развитие русской религиозной мысли, и традиций отечественной философии XI–XVII вв. Такой подход обеспечивает возможность построения полной картины развития русской мысли в ее исторической панораме.

⁹ См.: *Артемьева Т. В.* Метафизический текст. Проблема переводчика XVIII века // Традиции отечественной философии. Межвузовская научная конференция. Материалы выступлений и тезисы докладов / Редкол.: А. В. Бодаков, А. А. Галактионов, М. А. Маслин и др. Ч. 2. Гродно, 1991. С. 131–133; *Артемьева Т. В.* Российская метафизика как эстетика. XVIII в. // Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов и выступлений / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. Ч. 2. СПб., 1992. С. 45–47.

¹⁰ См.: *Введенский А. И.* Судьбы философии в России. М., 1898; *Бобров Е.* Философия в России. Казань, 1902; *Филиппов М.* Судьбы русской философии. СПб., 1904; *Ершов М.* Пути развития философии в России. Владивосток, 1922; *Сиповский В. В.* Этапы русской мысли. Пг., 1922.

¹¹ См.: История русской философии. Учебник для вузов / Редколл.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001; *Столович Л. Н.* История русской философии. Очерки. М., 2005.

Особо хочется отметить, что в последнее время появляются учебники по истории русской философии, в которых есть разделы и о А. Т. Болотове¹². Это интересно, так как ранее даже если о А. Т. Болотове упоминалось, то лишь вскользь¹³. Выходят в свет хрестоматии, содержащие сочинения А. Т. Болотова. В этой связи хочется отметить и ряд хрестоматий, изданных в Уральском государственном университете¹⁴. Эти процессы, несомненно, играли свою роль в формировании научного интереса к проблематике философских исканий XVIII столетия.

В последние двадцать лет появляются монографические исследования истории русской философии, в которых присутствуют разделы о XVIII веке¹⁵.

Исследования по истории России XVIII столетия, в которых присутствовали разделы, посвященные А. Т. Болотову, увидели свет еще в конце XIX столетия, но они были редки и фрагментарно рассматривали обширное наследие А. Т. Болотова¹⁶. Научные работы первой половины XX в., в которых философские и научных воззрения Болотова рассматривались в том или ином контексте, отражали идеологические ориентиры эпохи, в

¹² См.: *Емельянов Б. В.* Три века русской философии. XVIII век. Екатеринбург, 2013; *Ионайтис О. Б.* Философия науки в России в XVIII веке. Екатеринбург, 2010; *Сербиненко В. В.* Русская философия. Курс лекций. М., 2006.

¹³ См.: *Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.* Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991.

¹⁴ См.: *Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия / Сост., библиогр. Ст. и прим. Б. В. Емельянова.* Свердловск, 1990.

¹⁵ См.: *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014.

¹⁶ См.: *Губерти Н. В.* Андрей Тимофеевич Болотов как критик и рецензент литературных произведений // Губерти Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887.

которые А. Т. Болотов вписывался только в дискурс литературной критики¹⁷.

Непосредственно о самом А. Т. Болотове впервые было сообщение в 1805 г. в «Продолжении нового опыта исторического словаря о русских писателях», в котором Е. А. Болховитинов в основном уделил внимание А. Т. Болотову как автору «Экономического магазина» и члену Вольного экономического общества. В 1839 и 1858 г. были предприняты публикации мемуаров А. Т. Болотова, в предисловии к этим публикациям Н. А. Полевой и А. В. Дружинин дали краткие сведения о его судьбе и творчестве. В 1897 г. вышел в свет «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», в котором Е. Н. Щепкина и С. Н. Венгеров напечатали две биографические статьи о А. Т. Болотове. Причем оценки были абсолютно противоположными. Е. Н. Щепкина считала, что А. Т. Болотова можно отнести к «лучшим людям своего времени», а С. Н. Венгеров утверждал, что А. Т. Болотов – заурядный тульский помещик. Вторая позиция не совсем выдерживает критику, так как деятельность А. Т. Болотова была высоко оценена при жизни не только в России (с 1821 г. он почетный член Московского общества сельского хозяйства, например), но и за рубежом (с 1793 г. он член королевского саксонского Лейпцигского экономического общества).

В XIX столетии вышла только одна книга, заслуживающая нашего внимания, посвященная А. Т. Болотову. Это монография Е. Н. Щепкиной «Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники 1738–

¹⁷ См.: *Блок А. Болотов и Новиков* // Блок А. *Собрание сочинений*. Л., 1934. Т. 2. С. 7–80; *Водоводов Н. В. А. Т. Болотов – писатель XVIII века* // *Ученые записки Московского городского педагогического института*. М., 1960. Т. 107. Выпуск 10. Кафедра русского языка. С. 27–42; *Привалова Е. П. Вопросы воспитания в книге А. Т. Болотова «Детская философия...»* // *Труды Ленинградского библиотечного института*. Л., 1957. Т. 2. С. 303–316.

1762»¹⁸. В этой работе присутствуют интересные биографические сведения, но анализа философских трудов А. Т. Болотова в ней, к сожалению, нет.

В советский период интерес к А. Т. Болотову носил больше негативный характер¹⁹. Объясняется это тем, что он принадлежал к консервативно настроенной части русского дворянства, к революционным устремлениям не был склонен и не вписывался в линию борьбы с самодержавием.

Интерес к А. Т. Болотову начинает проявляться в 80-е гг. XX в. Сначала это лишь краткие и общие сведения²⁰, но постепенно внимание к наследию русского ученого, поэта, философа возрастает. Появляются о А. Т. Болотове публицистические и художественные произведения.

¹⁸ Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники 1738–1762. СПб., 1898.

¹⁹ См.: Шкловский В. П. Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове. М., 1928.

²⁰ См.: Ганичев В. Н. Тульский энциклопедист. Тула, 1986; Иванов А. Б. Искусство созидательной мудрости Эюд к портрету А. Т. Болотова. М., 1988; Лазарев В. Я. Всем миром. М. 1987; Он же. Жизнь и приключения Андрея Болотова // Альманах библиофила. Выпуск 4. М., 1977. С. 182–188; Любченко О. Н. Есть в Богородецке парк. Тула, 1984; Он же. А. Т. Болотов. Тула, 1985; Новиков С. М. Болотов: документально-историческая повесть. М., 1983; Он же. Корни. Художественно-документальная повесть. М., 1978.

С конца 80-х – 90-х гг. XX в. Выходят в свет научные монографии и статьи²¹, диссертационные исследования наследия философского наследия А. Т. Болотова²².

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. в России наблюдалось следующее: «Социально-экономические изменения обусловили прогрессивные изменения в области культуры. Шел процесс формирования русской национальной культуры и национального самосознания, где несомненную роль сыграло развитие культуры русской провинции»²³. Исследование этого процесса вызвало у наших современников интерес к творческому наследию А. Т. Болотова. Проявление интереса к А. Т. Болотову объяснялось тем фактом, что «А. Т. Болотов – выдающийся ученый, писатель, мемуарист. Его справедливо можно назвать

²¹ См.: *Бахтина А. А.* Нравственные позиции А. Т. Болотова и Н. И. Новикова как отражение исторической эпохи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2013. № 2 (1). С. 288–291; *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988; *Глаголева О. Е.* Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI – середина XIX вв. Л., 1987; *Она же.* Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России. Л., 1988; *Гусаров Ю. В.* Переписка А. Т. Болотова и Н. С. Арцыбашева (1808–1816) Чебоксары, 1990; *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов в Кенигсберге (К вопросу о формировании мировоззрения Болотова) // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. М., 1995. № 3. С. 66–74.

²² См.: *Бахтина А. А.* Трансформация сюжета и характера героя мемуаров А. Т. Болотова в произведениях русской литературы XX в. Автореферат кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2013; *Веселова А. Ю.* Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова: литературная критика и садово-парковое искусство. Автореферат кандидата филологических наук. СПб., 2000; *Шамедько Н. В.* Андрей Тимофеевич Болотов как педагог просветитель. Автореферат кандидата педагогических наук. Калининград, 2009; *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов и его система ценностей. Автореферат кандидата исторических наук. М., 1996.

²³ *Глаголева О. Е.* Культура русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в. (Просветительская деятельность в Тульской губернии). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Л., 1987. С. 3.

“воплощенным образом России XVIII века”»²⁴. Он активно пропагандировал в провинции идеалы Просвещения, своей жизнью и деятельностью реализовывал идеи Просвещения в жизнь.

Хотелось бы отметить и тот факт, что справочная литература, посвященная различным аспектам русской культуры XVIII века, содержит разделы, посвященные биографии и трудам А. Т. Болотова²⁵.

Но самое важное – в конце XX столетия начинают, пусть и не часто, издавать сочинения самого А. Т. Болотова²⁶.

Безусловно, указанные выше тенденции свидетельствуют о возрастании интереса к русской философии XVIII века. Но, несмотря на то, что интерес возрастает, многие страницы истории отечественного любомудрия века Просвещения остаются малоизученными, что делает данное диссертационное исследование, посвященное философским взглядам А. Т. Болотова, на наш взгляд, актуальным.

Предмет и объект исследования.

²⁴ *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов и его система ценностей. С. 1.

²⁵ См.: *Летопись русской философии. 862–2002* / Ред.-сост. А. Замалеев. СПб., 2011; *Православная энциклопедия*. Т. 5. М., 2002; *Русская философия: Словарь* / Под общ. ред. М. Маслина. М., 1999; *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 (А–И) / Отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1988.

²⁶ См.: *Болотов А. Т.* Детская философия. СПб., 2012; *Он же.* Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах // *Российский Архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Альманах. М., 1992. С. 471–539; *Он же.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 2011; *Он же.* Избранное. Псков, 1993; *Он же.* Т. О душах умерших людей. СПб., 2006.

Объектом диссертационной работы является исследование русской философии второй половины XVIII – начала XIX вв.

Предметом данной научной работы является анализ философских взглядов А. Т. Болотова в контексте истории русской философии второй половины XVIII – начала XIX вв.

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – реконструкция целостной системы философских воззрений А. Т. Болотова.

Поставленная цель реализуется через решение ряда задач:

1) анализ основных идей русской философии второй половины XVIII – начала XIX в., тенденций ее развития и места в ней философских работ А. Т. Болотова;

2) реконструкция проблемного поля метафизической проблематики в сочинениях А. Т. Болотова;

3) исследование антропологических и этических представлений А. Т. Болотова;

4) рассмотрение воззрений А. Т. Болотова на проблемы воспитания и образования «нового», просвещенного человека.

Методология исследования.

В данном диссертационном исследовании применялись разработанные современной наукой методологические принципы историко-философского анализа²⁷.

²⁷ См.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983; Емельянов Б. В., Любутин К. Н. Введение в историю философии. М., 1987; Каменский З. А. История философии как наука. М., 1992; Он же. Методология

Восстановление исторического развития идей, теорий было невозможно без применения метода ретроспективного моделирования философской системы А. Т. Болотова, который реализовывался через конкретно-исторический и сравнительно-исторический анализ текстов, концепций русских философов второй половины XVIII – начала XIX вв. и сочинений А. Т. Болотова. При этом мы опирались на принцип историзма, что выразилось не только в стремлении сформировать хронологическую и смысловую цепочку, но и в демонстрации диалектики развития идей А. Т. Болотова и в целом эпохи, рассматриваемой нами.

Для реконструкции воззрений А. Т. Болотова становится ясной необходимость обращения к его биографии, а также использования социально-психологического анализа, который исходит из взаимосвязи философии с другими феноменами общественного сознания.

В своей работе мы стремились следовать принципам объективности и системности, которые не позволяют абстрагироваться от идейной неоднозначности эпохи, от конкретных форм развития и преемственности философских воззрений.

Таким образом, методология, используемая при освещении философских воззрений А. Т. Болотова, имеет комплексный характер, что определяется многообразием аспектов проявления изучаемой темы.

Источники исследования.

Наше исследование основывалось на большом объеме источников, к которым относим: сочинения отечественных мыслителей, показывающие процесс формирования и развития философии в России XVIII в. – начала

историко-философского исследования. М., 2002; *Ойзерман Т. И.* Философия как история философии. СПб., 1999.

XIX в.; философские трактаты А. Т. Болотова, его автобиографические и поэтические сочинения, эпистолярное наследие.

Также использовалась широкая база исследовательской, комментаторской и учебной, справочной литературы, монографические сочинения.

Научная новизна исследования.

Научная новизна предлагаемого ко вниманию исследования заключается в следующем:

- 1) философская система А. Т. Болотова рассмотрена в контексте развития русской философии второй половины XVIII – начала XIX вв.;
- 2) реконструирована целостная картина философских воззрений А. Т. Болотова, ее проблемное поле, метафизические представления;
- 3) показано развитие антропологической и этической проблематики в сочинениях А. Т. Болотова;
- 4) представлен анализ целей, задач и методов воспитания и образования просвещенного человека, предлагаемых А. Т. Болотовым.

Положения, выносимые на защиту:

В результате проведенного нами исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Для формирования проблематики философских дискуссий второй половины XVIII – начала XIX вв. было важным рассмотрение русскими мыслителями вопроса об отношении отечественной культуры к европейской и определение возможностей национальной самобытности (Н. Н. Поповский, Н. И. Новиков). Несмотря на активно развивающийся процесс европеизации, связь с традициями христианской мысли не прерывалась, более того – наблюдалась тенденция поиска синтеза между

современной европейской философией, наукой и христианским богословием (М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев).

Особенностью русского Просвещения является то, что европейские идеи активно синтезировались с христианскими традициями и наследием отечественного средневекового любомудрия (Тихон Задонский).

В XVIII столетии закладываются традиции преподавания философии и ее предметной систематизации (Феофилакт Лопатинский). Одновременно развиваются различные формы философствования, например – философская поэзия (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, А. Т. Болотов), автобиография как философский жанр. Через автобиографию мыслители раскрывали личный опыт самопознания и самовоспитания «новой» личности (А. Т. Болотов).

Философ воспринимается как учитель жизни и образец для подражания (Н. М. Карамзин), в русской культуре этого времени формируется феномен «дворянина-философа», который смыслом своей жизни видит не только изучение философии, написание философских сочинений, но и активную пропаганду идей современной философии, в первую очередь – примером своей частной жизни (А. Т. Болотов).

А. Т. Болотов в своих сочинениях отразил основные характеристики философии времени: приоритет метафизической и антропологической тематики; понимание философа как активно действующего гражданина; сосредоточенность современного мыслителя на личной жизни как возможности практического воплощения своих философских идей; идеал просвещенного человека, который преобразует по законам разума и нравственности себя и окружающую действительность.

2. Рассмотрение вопросов метафизики для А. Т. Болотова является обязательной ступенью введения к антропологической тематике. Метафизические воззрения А. Т. Болотова были во многом определены нравственной христианской системой ценностей, через призму которой и

получали свою интерпретацию. Учение А. Т. Болотова о душе носит ярко выраженное нравственное значение и выводит на гносеологическую, этическую, социальную проблематику. Утверждается, что рассмотрение вопросов пневматологии дает возможность представить будущее бытие человечества и предположить возможное лучшее устройство государства.

3. Отечественные мыслители XVIII в. в своих антропологических концепциях указывали, что идеалом Просвещения является гармоничная, активно действующая, свободная от суеверий и заблуждений, стремящаяся к познанию мира и себя личность (А. Н. Радищев, Г. С. Сковорода). Такая личность может быть сформирована только при правильной системе образования и воспитания, о природе которых рассуждали многие русские мыслители – В. Н. Татищев, Д. И. Фонвизин, А. Я. Поленов, Н. И. Новиков и др. Образование и воспитание как средства построения современного просвещенного общества (А. Ф. Бестужев) должны донести идеалы европейского Просвещения до сознания россиян (Н. М. Карамзин).

Антропологическая проблематика в русском Просвещении была определяющей. Так, А. Н. Радищев выстраивал свою философскую систему вокруг главного вопроса – антропологического. Человек объявлялся центром мироздания и от того как трактовалась природа человека, понималась онтологическая, гносеологическая, правовая, этическая, эстетическая тематика.

Для антропологических воззрений русских мыслителей XVIII столетия характерен панморализм, что нашло отражение не только в размышлениях о судьбе человека, но и при рассмотрении метафизических, гносеологических вопросов.

4. Антропологические воззрения А. Т. Болотова сформировались под влиянием двух традиций: европейского Просвещения и христианской мысли, что отразилось на понимании им смысла жизни человека в счастье и благополучии, которые внешне проявляются в покое и гармонии,

размеренности и осмысленности личной жизни, а внутренне – в глубокой вере. А. Т. Болотов утверждает, что счастье и благополучие могут быть достигнуты любым человеком, так как для этого ему даны все средства Богом. Счастье достижимо только через опыт самопознания, который развивается в течение всей жизни человека, и который управляется волей человека, формирует ответственность за самого себя. Высшее блаженство для человека – духовная любовь к ближнему.

Антропологическая, педагогическая и гносеологическая проблематика в воззрениях А. Т. Болотова при этом взаимосвязаны. Через познание мира и самопознание человек формирует собственную личность. Знание не самоцель, а лишь средство к благополучию человека и благому устройству общества.

Воспитание «нового», просвещенного человека предполагает постоянное самообразование и самовоспитание. Цель воспитания и образования в идеалах Просвещения – активно действующий гражданин и счастливый человек, гармония бытия которого в единстве знаний и веры.

5. Метафизические, антропологические, гносеологические, педагогические воззрения А. Т. Болотова в полной мере отражают особенности русской философии второй половины XVIII – начала XIX вв., которая стремилась объединить традиции отечественного любомудрия, европейского Просвещения и наследия христианской мысли.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Диссертация является первым опытом построения целостной картины формирования, эволюции, проблемного поля философско-антропологического учения А. Т. Болотова, которое рассмотрено в широкой панораме философских идей и тенденций в русской мысли второй половины XVIII – начала XIX вв.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что изложенные в ней результаты расширяют имеющиеся знания о процессе развития отечественной философии второй половины XVIII – начала XIX вв.

Выводы и положения данной диссертационной работы могут быть использованы для дальнейших научных исследований в области истории русской философии. Предлагаемый в диссертационном исследовании материал, концептуальные положения создают предпосылку для более углубленного и дифференцированного анализа различных этапов истории русской философии, для структурно-типологических обобщений, дальнейших методологических разработок.

Разработанный в данном исследовании материал может быть использован для подготовки учебных курсов по истории отечественной философии, теории и истории культуры, эстетики, этики, политологии, и смежных с ними дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности исследования подтверждается тем, что в работе использованы источники и материалы, опубликованные в России, и тем, что результаты исследования были представлены и обсуждены на таких значимых научных конференциях и форумах, как: «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2013), «Культура. Духовность. Общество» (Новосибирск, 2013), «Достижения вузовской науки» (Новосибирск, 2013), «Актуальные проблемы педагогики и психологии» (Уфа, 2014).

Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях автора.

Концептуальные установки и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 3-х статьях в изданиях, включенных в рекомендательный список ВАК РФ для публикации основных положений докторских диссертаций:

- А. Т. Болотов – русский философ XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4, ч. 1 (в соавторстве с О. Б. Ионайтис);

- Образ человека в русском Просвещении: А. Т. Болотов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». Екатеринбург, 2014. № 2 (128);

- Метафизика в России XVIII в: А. Т. Болотов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 1, ч. 2.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Структура работы.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы. Объем работы составляет 132 страницы. В списке использованной литературы 153 наименования.

ГЛАВА 1.

А. Т. БОЛОТОВ И ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

XVIII в. в истории России был веком радикальных перемен в политической, социальной, культурной жизни страны. Но, пережив, в полном смысле, революционный слом петровскими реформами старых традиций, Россия постепенно стала искать свое место в истории человечества, интеллектуальной – в том числе.

XVIII век в истории России – век Просвещения. Но это был не один, плавный процесс распространения и развития одной мировоззренческой линии. П. Н. Берков в свое время предложил схему понимания развития Просвещения в России, которая и до сего дня остается актуальной для исследования историко-философского процесса, хотя ряд ее положений может быть уточнен²⁸.

Просветительство имело в России несколько этапов. Первый – «раннее просветительство» – это вторая половина XVII в. Наиболее ярко раннее просветительство проявилось в трудах С. Полоцкого, К. Истомина. Так, к примеру, идеи раннего просветительства сказались в сочинениях С. Полоцкого, в первую очередь, как призыв к разуму человека как средству совершенствования и как средству борьбы с суевериями и заблуждениями. В стихотворении «Философия» С. Полоцкий пишет о ней как науке, преобразующей личность и жизнь человека:

Естество дает токмо еще житии;
Философия учит благо житии;
Ово со скоты обще нам бывает,
Сие аггелом нас уподобляет...
Яко врачество болезнь исцеляет,

²⁸ См.: Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961.

Философия нрав зол души исправляет²⁹.

Второй этап – время реформ Петра I и его сподвижников. Это деятельность Феофана Прокоповича, А. Кантемира, В. Н. Татищева. Для мыслителей этого периода наука и просвещение фактически сливались воедино. Так, В. Н. Татищев в трактате «Разговор двух приятелей о пользе училищ» пишет: «...наука главная есть, чтоб человек мог себя познать» и выявить, что человеку «полезно и нужно и что вредно и непотребно»³⁰. Философия, добавляет В. Н. Татищев, – наука, имеющая значение практическое и теоретическое. В России любомудрие может и должно служить целям просвещения и позитивного преобразования государства. Под воздействием диалектики и логики рушатся стены невежества, суеверий и интеллектуальной ограниченности. Философия с «большой пользой» служит языкознанию, экономике, медицине, юриспруденции, истории. В этом «всеобщая полезность» и «божественное предназначение» философии. Философия также необходима и для богословия, она обогащает веру. Философия занимается самыми важными вопросами бытия: что есть Бог, природа и ее «вещные проявления», что есть человек, его «физия» и «дух», смертен или бессмертен человек и т. п.

Третий – «переходный» – от петровских реформ до правления Екатерины II. В это время укреплялись идеи европеизации, просвещенного абсолютизма, сциентизма. М. В. Ломоносов – символ времени. В своей концепции он исходил из признания величия Творца:

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду все течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.

²⁹ Полоцкий С. Философия // Русская средневековая философия. Учебное пособие / Сост. О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 2010. С. 216–217.

³⁰ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 76.

Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Перемену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы³¹.

Но Бог, создав все существующее, даровал человеку высшую милость – разум. Цель разума – познание мира. Познание есть смысл жизни человека, который определен Богом и отвергать его нельзя. Наука не противостоит вере, а дополняет ее. М. В. Ломоносов и его последователи активно пропагандировали идеи будущего расцвета наук и искусств в России, видели свою миссию в просвещении народа, что ассоциировалось со служением своему Отечеству.

Четвертый этап – от 1760-х гг. до сочинения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» – может быть назван именно периодом Просвещения. На наш взгляд, временные рамки этого периода вернее было бы ограничить 1760-ми гг. и началом XIX века, точнее – войной 1812 г. Но суть понимания периода от этого не меняется. Это формирование новых философских задач и стремление воплотить идеи в реальной жизни государства и отдельного человека.

О периодизации Просвещения в России размышляли многие исследователи, не во всем совпадали их точки зрения, что объясняется особенностями распространения идей Просвещения в России, их национальной окраской³². Русская философия всегда была связана с социальной, экономической, политической жизнью страны. Эта тенденция сказалась и в распространении идей Просвещения. В России, как и в

³¹ Ломоносов М. В. Сочинения. М., 1987. С. 175.

³² См.: Плимак Е. Г. Основные этапы в развитии русского Просвещения XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961; Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002.

Европе, «...глубинной подосновой возникновения просветительства... были социально-экономические процессы перехода от феодализма к капитализму...»³³. Безусловно, европеизация в России это не только идеи, но и трансформация экономической, политической реальности, что сказалось во всех сферах жизни и оказало влияние на философию.

Русские интеллектуалы стремились стать частью европейской культуры. Русские мыслители XVIII в. ощущали себя европейцами, они рассуждали о «своей» античности, сравнивая и находя общее в истории Древнего Новгорода и республиканского Рима, в греко-римской мифологии и славянском язычестве, в истории европейских государств и России. Например, М. В. Ломоносов в «Древней Российской истории» указывает на подобные аналогии: «...гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющих; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержеству государей московских»³⁴. Составляя свою российскую историю, Ломоносов опирается не только на данные русских летописей, но и на тексты авторитетных европейских историков: Геродота, Прокопия Кесарийского, Птолемея, Корнелия Непота, Катона, Плиния, Тацита, Саксона Грамматика и других, соединяя их в единую научную традицию.

Но одновременно с активным освоением европейской культуры наблюдалась следующая тенденция: стремясь дать оценку итогам европеизации русской культуры, отечественные мыслители стали подходить к европейскому философскому опыту с вопросами, которые волновали их самих, исходя из реалий отечественной действительности.

³³ *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. Автореферат доктора исторических наук. М., 1995. С. 5.

³⁴ *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история // Ломоносов М. В. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 50.

Логика восприятия европейской философской традиции была следующей: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»³⁵. Поэтому мы можем изначально говорить, что заимствование европейской философской традиции, как и в целом европейской культуры, имело в России свои национальные особенности. Это проявлялось, например, в выборе тем европейского Просвещения. Внимание отечественных авторов было сосредоточено на тех, что представлялись актуальными для русских философов, отвечали сложившимся культурным ориентациям.

Отечественные мыслители, называвшие себя еще в начале XVIII в. учениками европейских философов, достаточно быстро стали осознавать, что на большинство вопросов, волновавших их, отвечать необходимо самим. Несмотря на все величие европейской мысли, русские философы, которые пропагандировали это величие, постепенно начинают корректировать свою позицию: «Вероятно, “ученическое” отношение к западной мысли было своеобразной “игрой”, а может быть, единственным способом взаимодействия с этой эгоцентристской системой, которую она сама могла бы принять, поэтому в рамках этой “игры” и во время ее принимались те условия, которые задавались партнером, а за ее пределами русская философия развивалась по своим законам и в соответствующих собственным традициям формах»³⁶. Эта двойственность времени нашла отражение в коллизиях эволюции отечественной мысли XVIII столетия.

Русские мыслители в большинстве своем включали себя в общую линию развития европейской философии, нисколько не смущаясь временем вступления в нее. Так, в «Речи, говоренной в начатии философических

³⁵ *Бахтин М. М.* Смелее пользоваться возможностями // Новый мир. М., 1970. № 11. С. 240.

³⁶ *Артемьева Т. В.* История метафизики в России в XVIII веке. С. 97.

лекций при Московском университете» Н. Н. Поповский утверждал: «Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием в число просвещенных народов войти не успела»³⁷. Россия, несмотря на сложность своего исторического пути, писал Н. И. Новиков, «...о преимуществе в науках спорит с народами целые века учением прославлявшимися» и в этом споре им не уступает, более того – в ближайшее время займет лидирующее положение³⁸. Россия активно впитывала, перерабатывала традиции европейской мысли. Значимое влияние в XVIII столетии оказали на развитие отечественной философии и науки концепции самых разных европейских мыслителей: Н. Коперника, Я. Бёме, И. Кеплера, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, П. Бейля, Р. Декарта, Г. Лейбница, Хр. Вольфа, И. Канта.

Стоит отметить и тот факт, что «...русские мыслители имели широкие возможности для ознакомления с философскими идеями французского и немецкого Просвещения, но восприятие этих идей не было сплошным и некритическим»³⁹. Для отечественных мыслителей было характерно не простое ученичество и восторг от освоения нового философского материала, они погружались в него, переосмысливали и применяли в оценке реалий собственной истории и современности.

Ставя вопрос о характере Просвещения в России, мы можем отметить, что оно, во многом опиралось на идеи европейских мыслителей. Но в то же время, несмотря на всю радикальность идей европеизации, сохранялось влияние вековых традиций, оформившихся в предыдущие

³⁷ *Поповский Н. Н.* Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете // *Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета.* Ч. 1. М., 1819. С. 16.

³⁸ *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях // *Новиков Н. И. Избранные сочинения.* М.; Л., 1951. С. 277.

³⁹ *Введение в русскую философию / Лазарев В. В., Абрамов А. И., Авдеева Л. Р. и др.* М., 1995. С. 27.

столетия развития русского любомудрия. Как справедливо отмечает А. И. Абрамов: «В истории Русского государства, в истории русской культуры XVIII век, с одной стороны, был качественно новым рубежом, отделяющим Московское царство от Российской империи, а относительную замкнутость русской православно-византийской культуры от широкой волны западноевропейских влияний. С другой стороны, в XVIII в. отчетливо еще просматривались культурные традиции Киевской и Московской Руси, которые нашли свое выражение в общей направленности особого стиля мышления вообще и в типологических особенностях русского средневекового философствования в частности»⁴⁰.

Философия в средневековой Руси понималась как жизнестроительное учение⁴¹, как наука, цель которой не только в том, чтобы объяснить мироустройство, но и стать практическим руководством в жизни. И в XVIII столетии, несмотря на все реформы и трансформации культурной жизни России, такое понимание философии сохранялось и оставалось актуальным.

В целом же, мы можем отметить то, что традиции европейского Просвещения в России проявляются многопланово: «В одном случае Просвещение можно рассматривать как форму культурной деятельности, и, конечно, XVIII век с его стремительно развивающейся школьно-педагогической системой (морские и цифирные школы, Университет, Академия и т. д.), с его церковными и государственными реформами, с его так называемой дворянско-усадебной культурой являл собой ярчайший пример просветительской деятельности. Во втором случае Просвещение и просветительство – это идеологическое, системно-философское

⁴⁰ Абрамов А. И. Историография русской философии XVIII века // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990. С. 48.

⁴¹ См.: Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии. Екатеринбург, 2003.

образование духовной культуры XVIII в., ставящее себе цель заменить воззрения, основывающиеся на церковно-религиозном и догматической авторитете, на такие, которые вытекают из требований человеческого разума и могут выдержать критику со стороны каждого индивида в отдельности»⁴². Это не просто две ведущие тенденции времени, это два направления, борющиеся друг с другом. Из синтеза этих двух тенденций и сформировались национальные черты русского Просвещения XVIII – первой половины XIX в.

В то же время связь с традициями христианства не прерывалась, о чем также свидетельствуют философские тексты этого времени. Несмотря на рационалистические устремления мыслителей, атеизм не был для них характерен. Более того, мы можем говорить об оживлении интереса к истокам православного вероучения, вследствие чего создаются экзегетические сочинения, комментарии и справочные пособия к библейским текстам. Большую популярность получили, например, «Симфония на Псалтырь», составленная А. Д. Кантемиром (М., 1727), «Симфония на Четвероевангелие и Деяния святых Апостолов», созданная И. И. Ильинским (М., 1733).

Мы можем согласиться с мнением, что век Просвещения «...не был веком ниспровержения христианства (равно как и других религий). С большим или меньшим успехом он сокрушал пьедесталы клерикальных сил феодализма, оставляя в неприкосновенности главные постулаты господствующих верований. Антифеодальная идеология, а также процессы секуляризации не всегда совпадают с проявлениями атеизма, хотя атеизм в ту пору имел антиклерикальный характер, чаще всего выступая в форме «свободомыслия»⁴³. Такой мировоззренческий дуализм во многом

⁴² Введение в русскую философию / Лазарев В. В., Абрамов А. И., Авдеева Л. Р. и др. М., 1995. С. 26.

⁴³ Шкуринов П. С. Философия России XVIII века. М., 1992. С. 77.

определяет XVIII столетие и отражается в философских концепциях мыслителей. Яркий пример тому – трактат А. Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии», первая половина которого строится с опорой на традиции европейского материализма XVIII в., а вторая явно озвучивает идеи идеалистической философии.

Философия в России XVIII века перестает быть келейным занятием избранных интеллектуалов. Она приобретает черты современной европейской философии. Философию начинают преподавать в учебных заведениях: Киево-Могилянской академии, Славяно-греко-латинской академии, Московском университете и т. д. Это, безусловно, поставило вопрос о систематизации философского знания, о категориальном аппарате и методологии философии. С философского курса Феофилакта Лопатинского, по сути, начинается преподавание философии в России уже в традициях современной педагогической практики. Во «Введении» в философский курс Феофилакт Лопатинский пишет: «Некогда Геракл остановился на распутье двух дорог, нам же предстоит пройти все три пути Аристотеля, так что для успешного завершения предприятия [изучение философии. – *Е. П.*] нам потребуются силы, самое малое, равные силам Геракла, если не большие. Многие отправлялись в путь, но не многие выдерживали трудностей...»⁴⁴. Но при правильном понимании целей и задач этого пути, осилить его будет не только легко, но и приятно, философия станет не только теоретическим знанием, но и руководством к практической деятельности.

Феофилакт Лопатинский был сыном своего времени, что проявилось в его увлечениях идеями Просвещения и энциклопедизма, а также в его философских курсах. Феофилакт Лопатинский был человеком разносторонних интересов, о чем свидетельствует его личная библиотека

⁴⁴ Феофилакт Лопатинский. Избранные философские произведения. М., 1997. С. 194.

(более 3,5 тысяч книг). Он много читал и переводил с иностранных языков, владея латинским, греческим, древнееврейским, сирийским, польским, французским, немецким, итальянским. Знания языков он применял в педагогической практике. Так, в сочинении Феофилакта «Диалектика», которое является первым в России философским словарем, присутствует раздел, трактующий философские термины в разных языковых системах. Всего в словаре объясняется около 150 понятий, среди которых «материя», «форма», «абстрактный», «конкретный», «категория», «существование», «объективный», «субъективный» и другие.

Определяя линию преподавания философии, Феофилакт Лопатинский писал, что философия – слово греческое и означает «любовь к мудрости», в русском языке оно точно передается словом «любомудрие». Философию мыслитель понимал как знание сущего, сотворенного и несотворенного. Приобрести это знание возможно благодаря свету разума, дарованного Богом природе человеческой. Философия – полезное и необходимое для существования человека знание, но требует «мужества и неустанных трудов». Особая роль в приобщении к философии отводится обучению. Способность к философии от природы дана каждому человеку, но она еще более развивается, если он через обучение совершенствует ее.

Указывает Феофилакт Лопатинский и на причины вызывающие интерес к занятиям философией – удивление, опыт и опытность. Он пишет: «Удивление возникает благодаря деятельности разума, поскольку люди удивляются из-за незнания причин. Удивление также вызывает страстное желание познать неизвестные причины...»⁴⁵.

В философской системе Феофилакта Лопатинского сказывается влияние сенсуализма. Например, он указывал, на первичность в процессе познания объективного данного, а также полагал, что познание обусловлено закономерными, естественными процессами. В связи с подобными

⁴⁵ Там же. С. 201.

установками мыслитель предпринял попытку выявить правила, приводящие человека к правильному пониманию природы, общества, себя.

В философских курсах Феофилакта Лопатинского находят отражение идеи Просвещения, он активно озвучивает философские концепции европейских просветителей, что, безусловно, было важной вехой в развитии философских идей в России в XVIII в. В полной мере можно согласиться с мнением, что «...если Лихуды были пионерами профессионального философского образования в России, то Лопатинского с полным правом можно назвать его основателем, поскольку традиция академического преподавания после него не прерывается...»⁴⁶. Философия в России в XVIII в. «...институализируется как род деятельности в духовных академиях и в университете, то есть как религиозная и светская философия профессионального уровня. Но в XVIII в. рядом с такими формами бытия философии намечается еще одна – форма свободного философствования людей, не являющихся профессионалами, но призванных к философии склонностями своего ума и сердца. Примеров тому в XVIII в. претворилось множество – от странного И. Д. Ершова до рассудительного сельского хозяина А. Т. Болотова и просвещеннейшего князя Белосельского-Белозерского»⁴⁷. Но как бы не складывалась личная жизнь и эволюция философского творчества того или иного мыслителя, влияние на нее практики преподавания философии было значительным. Так, благодаря философским лекциям, которые в Кенигсберге посещал А. Т. Болотов во многом сформировались его философские предпочтения.

Пример того, как современники понимали, кто есть философ в век Просвещения, мы можем видеть в «Письмах русского путешественника» Н.

⁴⁶ Панибратцев А. В. Философская мысль в России начала XVIII века: преемственность и перспективы развития // Феофилакт Лопатинский. Избранные произведения. С. 15.

⁴⁷ Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 657.

М. Карамзина, в которых автор описывает встречи с известными мыслителями своего времени: Николаи, Штарком, Кантом и Виландом. При этом Н. М. Карамзин дает свое понимание философии и философа, подчеркивая, что неизменной чертой мыслителя должна быть терпимость к другим мнениям, отличным от его собственных: «Где искать терпимости, если самые Философы, самые просветители – а они так себя называют – оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они? Тот есть для меня истинный Философ, кто со всеми может ужиться в мире; кто любит и не согласных с его образом мыслей. Должно показывать заблуждения разума человеческого, с благородными жаром, но без злобы»⁴⁸.

Особенностью русской философии XVIII столетия является такой феномен как «философ-дворянин». Передовое русское дворянство, получив разностороннее и качественное образования, восприняв идеи Просвещения, обратилось к философии как достойному делу своей жизни. М. М. Щербатов подписывался как «гражданин мира» и эта подпись, учитывая уровень освоения наследия мировой цивилизации мыслителем, современники воспринимали спокойно. Дворянин-философ чувствовал себя гражданином мира: он мог свободно передвигаться по миру, говорил на различных языках, читал философские тексты в оригинале. Н. М. Карамзин, приехав в дом И. Канта, представился русским дворянином и получил аудиенцию известного мыслителя. Подобная ситуация не вызывала у современников никакого удивления. «Соединяя в себе эти культуры [русскую и европейскую. – *Е. П.*], он [дворянин-философ. – *Е. П.*] занимал особое место в деле просвещения, обеспечивая культурное единство России и Запада»⁴⁹.

⁴⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 38.

⁴⁹ Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII веке. С. 154–155.

Из любви к философии, делом своей жизни дворянин-философ считал обязательным не только изучение философии, но и активную пропаганду современных философских воззрений. Причем без каких-либо меркантильных интересов. «Сочинительство, занятия науками и философией осуществлялось ими вовсе не для славы, и часто не для печати, а являлись потребностью души. “Тысячелетнему дворянину” вовсе не было нужды использовать устоявшуюся форму “школьного философствования”, за счет которой кормился университетский философ. Поэтому способ выражения философской позиции, или размышления на философские темы выражались в “трактатном” виде. Философские обобщения часто принимали литературную, литературно-критическую и эпистолярную форму»⁵⁰. Философское наследие А. Т. Болотова яркий тому пример.

«Особенность философских сочинений в России XVIII в. – необычайно широкий диапазон различных форм, условий и обстоятельств их возникновения, существования и функционирования»⁵¹. Примером тому может служить философское наследие М. В. Ломоносова. Свои философские идеи он, как правило, излагал в естественнонаучных трудах.

То, что философия в это время обращается к самым различным формам выражения, вполне объяснимо культурным контекстом эпохи. «Соединенность философии с другими формами сознания, определенная синкретичность общественного сознания, использование разнопорядковой системы аргументации, противоречивость самой жизни заставляли обращаться к “полифоническим” формам выражения, способным зафиксировать одновременное звучание каждого отдельного голоса в общем хоре мнений. Это предполагало обращение к аллегорическим и метафорическим формам выражения, иконографии, эмблематике,

⁵⁰ Там же. С. 155–156.

⁵¹ *Абрамов А. И.* Историография русской философии XVIII века. С. 55.

литературе, литературной критике»⁵². В этом процессе проявлялись традиции еще средневековой русской философии, которая часто, с одной стороны, выступала в невербальной форме, а с другой – стремилась вписать философские тексты в культурный ландшафт эпохи.

В XVIII столетии мы видим яркое проявление традиции, которая станет навсегда характерной для русской философии: обращение к различным формам литературы для выражения философских идей. Без опыта в этой сфере XVIII в. было бы, наверное, невозможным появлению философов-писателей XIX в.: Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, др. «Поиски форм, могущих выразить сложную структуру философской рефлексии, определили обращение русской философии к вербальной культуре, прежде всего к художественной литературе, которая в отдельные периоды становилась едва ли не единственной формой, в которой выражалась философская мысль»⁵³.

Многие деятели русской литературы XVIII в. занимались философией, считая, что свои философские идеи они наилучшим образом выскажут в произведениях литературных, поэтических. Поэтому не случайно, что особое значение приобретает в XVIII в. философская поэзия⁵⁴. «Мир и человек являются общим объектом познания и для абстрактной философии, и для художественной литературы. Они оба достояние общественного сознания и связаны не только объектом познания, но и тем, что выражают себя в слове и через слово. И философия, и художественная литература пронизаны мировоззренческими ценностями, которые для каждого времени и любой страны являются общими... И если для русского Средневековья художественная литература давала лишь

⁵² *Артемьева Т. В.* История метафизики в России в XVIII веке. С. 92–92.

⁵³ Там же. С. 94.

⁵⁴ См.: *Шайтанов И. О.* Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М., 1989.

отдельные образцы философского осмысления действительности, то для XVIII в. она заявила себя соравным с философией (особенно в поэзии) компонентом развития русской мысли уже в поэзии Петровской эпохи»⁵⁵. Поэзия Феофана Прокоповича, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева – пример тому.

Мы можем привести и еще один пример. Так, в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» В. К. Тредиаковский утверждает, что поэзия есть самая древняя и наиболее универсальная форма для философского творчества. В. К. Тредиаковский называет поэзию «первейшей философией». Поэтому ясна позиция поэта, который ощущает себя пророком, глашатаем высших истин. Для XVIII столетия не было характерным противопоставление поэзии, философии и науки, что, например, отразилось в «нравоучительной басне» В. Т. Золотницкого «Поэзия». В. Т. Золотницкий утверждает, что задача поэзии не только отражать мир, выражая высшую ступень его познания, но и упорядочивать жизнь людей, не соответствующую идеалам, следовательно, быть философской.

Отечественные мыслители считали, что Просвещение начинается всегда с поэтических форм. Так, И. Д. Ертов писал в своем трактате «О просвещении россиян перед началом девятнадцатого века»: «Давно уже замечено, что в государствах, начинающих просвещаться, век Поэзии бывает предшественником веку Философии. Надобно думать, что то же самое произойдет и в нашем отечестве. Мы и теперь во множестве русских стихотворений, без сомнения, найдем и такие, которые не стыдно поставить на пример возможного совершенства»⁵⁶.

⁵⁵ Емельянов Б. В. Три века русской философии. XVIII век. Екатеринбург, 2013. С. 330.

⁵⁶ Цит. по: Артемьева Т. В. История метафизики в России в XVIII веке. С. 97.

Возрастает интерес у русских мыслителей к биографическим сочинениям, которые отражают не только самоанализ и самооценку философом своего жизненного пути, но часто выстраиваются таким образом, чтобы сформировать образ мыслителя у читателя. Развитие сентиментализма в России сыграло немаловажную роль в том, что образ мыслителя второй половины XVIII в. подразумевал не только гражданина с ярко выраженной общественной позицией, но и человека с высокими сердечными устремлениями, воплощающего моральные идеалы в жизни. По этому поводу Н. М. Карамзин в работе «Что нужно автору?» писал: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце»⁵⁷.

Воспитывающее начало, нравоучительный пафос выступают на первый план в биографических преданиях о Капнисте, Хемницере, других писателях второй половины XVIII столетия. Они изображаются добродетельными людьми. Таким образом, деятели культуры становятся образцом для подражания⁵⁸. Данная тенденция проявляется и в автобиографических сочинениях А. Т. Болотова. Поэтому верной является оценка автобиографического творчества А. Т. Болотова исследователем XX в.: «Единственное, к чему он [Болотов. – *Е. П.*] стремится – правдиво рассказать о пережитом. Он предельно искренен, не боится выставить себя ни в смешном, ни в неблагоприятном свете. Это своего рода исповедь и одновременно документ эпохи... Нас увлекают и сами события, и то, что пишет о них современник, очевидец, зачастую участник этих событий. Нас покоряет, прежде всего, обаяние первоисточника, и только потом мы

⁵⁷ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. Л., 1964. С. 120.

⁵⁸ См.: Кочеткова Н. Д. Сентиментализм и Просвещение (О преемственности идей в русской литературе конца XVIII – начала XIX века) // Русская литература. 1983. № 4. С. 22–37.

замечаем, что текст создан мастерски, мастером, не думающем о своем профессиональном умении, а потому удивительно непринужденно»⁵⁹. Автобиографические записки А. Т. Болотова во многом опыт самоанализа собственной интеллектуальной биографии философа.

В. Ф. Эрн справедливо отмечал, что «...оценивать... русскую философскую мысль только тем, что *сказано* и *написано*, не принимая во внимание богатейшие обертоны тайн и намеков, ее проникающих, это все равно что оценивать начатую статую только по видимой форме и по количеству металла, в ней заключенного, игнорируя громадность невидимого замысла и богатство предстоящих возможностей»⁶⁰. Важно знать не только то, что написано, но и как жили философы, что они пережили. Творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя неразрывно связано с их жизнью и наоборот. Биография приобретает особое значение в русской мысли XIX столетия, но традиция такого интереса формируется уже во второй половине XVIII в.

Мемуары А. Т. Болотова – проповедь его жизненной философии, у которой явно выраженная дидактическая цель. Описанием своей жизни, всего происходящего вокруг автора, он доказывает верность своих воззрений и теоретических конструкции. «...мемуары Болотова могут рассматриваться как произведение в высшей степени нравоучительное, и вероятно, именно так Болотов расценивал функцию и назначение частных записок вообще. Повествование о частной жизни имеет право на существование только в том случае, если самой *неисключительностью* может служить примером “правильного” поведения для простых смертных. При этом оно должно быть повествованием именно о частной жизни, достаточно детально описанной, так как в противном случае картина будет

⁵⁹ Гулыга А. В. Он писал о себе для нас // Гулыга А. В. Уроки классики и современность. М., 1990. С. 111–112.

⁶⁰ Эрн В. Ф. Борьба за Логос // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 89–90.

недостаточно полной»⁶¹. При этом важно учесть и следующий момент. «Болотов создает свои мемуары, чтобы доказать...: только тот, кто добродетельным поведением и богопочитанием заслужил Божественную милость, имеет право на нравоучение, да и то не прямое, а на собственном примере»⁶².

В биографических сочинениях XVIII в., в автобиографии А. Т. Болотова – в том числе, действует принцип: «Назначение “рефлексии” в том, чтобы генерализировать частное, привести к нему жизненные и литературные параллели, найти изображаемому место в общей картине мира»⁶³.

Интерес к автобиографиям связан в целом с интересом к антропологической проблематике. XVIII в. поставил проблему человека, живущего и активно действующего в современной действительности, преобразующего ее. И поэтому возник неизбежный интерес к антропологическим и социальным воззрениям европейских философов: Э. Роттердамского, И. Ф. Буддеуса, Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Понятия «естественный договор», «естественное состояние» активно входили в лексикон отечественных мыслителей эпохи Просвещения. «Среди многих других философских проблем размышления о человеке в русском Просвещении занимают едва ли не главенствующее место. По сравнению с предшествующей русской мыслью, просветители – А. Н. Радищев, И. П. Пнин, А. П. Куницын, А. Ф. Бестужев, В. В. Попугаев – задают себе множество новых вопросов, пытаются найти на них ответы. В чем существо человека? Какова его природа? Что же представляет собой человек как

⁶¹ *Веселова А. Ю.* А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? // XVIII век. Сборник 22 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2002. С. 197.

⁶² *Веселова А. Ю.* А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? С. 198.

⁶³ *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 440.

гражданин и член общества»⁶⁴. Мы можем видеть рассмотрение указанных вопросов фактически в большинстве сочинений отечественных мыслителей XVIII столетия.

Интерес к антропологической проблематике – это не только характерная черта второй половины XVIII столетия. Антропологическая тематика всегда – начиная с Киевской Руси – была ведущей проблемой философских исканий русских интеллектуалов. Действительно, «... общепризнано, что “загадка о человеке” была важнейшей проблемой русской мысли, делая ее антропологически ориентированной. Она неизменно оставалась в центре философских размышлений русских мыслителей, была открыта для всех влияний, жадно искала, находила и перерабатывала, а иногда и с порога отрицала, любые новации западной и восточной мысли, будь то писания отцов церкви, масонство, вольтеррианство, фейербахианство или же ницшеанство»⁶⁵. Человек, его место в мире, судьба – это темы, без которых представить себе русской Просвещение не возможно.

Именно в такой культурной ситуации получил свое образование и сформировал мировоззрение Андрей Тимофеевич Болотов.

А. Т. Болотов родился 7 октября 1738 г. в деревне Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии. Его отцом был полковник Измайловского полка. Начальное образование его было не совсем полным, что объясняется полковой жизнью семьи. Поэтому отец отдает его в петербургский пансион Ферре, где юный Болотов изучает языки, рисование, поэзию. В 16 лет А. Т. Болотов начинает свою военную службу в Архангелогородском полку.

⁶⁴ *Абрамов А. И., Егорова И. В.* Русское просвещение // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Сост. П. С. Гуревич. М., 1991. С. 391.

⁶⁵ *Емельянов Б. В.* Русская философия как человековедение. Екатеринбург, 2014. С. 8.

С 1758 по 1762 гг. он служит в Кенигсберге. В это время он начинает заниматься самообразованием. Этот период своей жизни А. Т. Болотов вспоминает так: «...и с самого того времени началось прямо мое чтение книг, которое после обратилось мне в толикую пользу»⁶⁶. В это время он знакомится с философией, особое внимание привлекает его немецкая философия. Как сам писал А. Т. Болотов: «Немало же обязан я в жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готтшеду. Сей начальными своими основаниями философии не только спознакомил меня вскользь и со всеми философскими науками, но и вперил первый охоту к сим высоким знаниям и предложил помянутыми книгами своими мне путь к дальнейшим упражнениям в сей ученой части. Многие и разные еженедельные сочинения, издаваемые в Германии в разные времена и в городах разных, попавшись мне также в руки, помогли не только усилиться во мне склонности к нравоучению, но спознакомили меня и с эстетическою, положили основание хорошему вкусу и образовали во многих пунктах и ум мой, и сердце»⁶⁷. А. Т. Болотов не только изучал сочинения немецких авторов, но и переводил их на русский язык.

После прочтения книги И. Г. Готтшеда «Начальные основания философии» А. Т. Болотов пишет собственное сочинение – семь вечерних размышлений на каждый день недели под названием «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня недели, относящиеся к самому себе и к Богу». После изучения И. Г. Готтшеда особое внимание Болотов сосредоточил на изучении философской концепции Хр. Вольфа.

Значительное влияние на формирование мировоззрения А. Т. Болотова оказало знакомство с работами философа и эстетика И. Г.

⁶⁶ Емельянов Б. В. Три века русской философии. XVIII век. Екатеринбург, 2013. С. 374.

⁶⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 2011. С. 518.

Зульцера. Работа «Разговоры Зульцера о красотах естества», которую изучал Болотов, была написана под влиянием А. Попа. Культ природы, красоты мира, которые проповедовал И. Г. Зульцер, вызвали живой отклик в сердце А. Т. Болотова и оказали влияние на дальнейшее интеллектуальное развитие. Сам А. Т. Болотов пишет так: именно И. Г. Зульцер «... спознакомил меня первый с устройением мира, влил в меня охоту к физическим знаниям и научил узнавать, применять и любоваться красотами и прелестями натуры»⁶⁸. Всю свою последующую жизнь А. Т. Болотов будет преклоняться перед природой, стремиться к пониманию ее, пропагандировать идею гармонии человека и природы. Об этом свидетельствуют такие работы А. Т. Болотова как «Письма о красотах натуры» и «Живописатель натуры».

И. Г. Зульцер вызвал внимание А. Т. Болотова еще одним фактом. Для Болотова Зульцер – критик Вольфа, так как под философией Зульцер понимал, прежде всего, учение о нравственности, в то время как «первая философия» Вольфа не представляла для него актуального интереса. Подобная позиция была близка к воззрениям самого Болотова⁶⁹.

1760–1761 гг. для А. Т. Болотова были предельно насыщены в интеллектуальном отношении. Он подружился со студентами – выпускниками Московского университета, вместе с ними продолжил свое самообразование, одновременно с тем он посещал лекции университета в Кенигсберге и даже принимал участие в философских диспутах.

В этот же период А. Т. Болотов пережил кризис веры, который по его собственным словам был вызван глубоким изучением философии Х. Вольфа. Выход из кризиса был достигнут через обращение к философии А.

⁶⁸ Там же

⁶⁹ См.: Пустарнаков В. Ф. Философия Вольфа и «русская вольфиана» в отечественной историографии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 141.

Крузиуса. В Кенигсбергском университете философию А. Крузиуса читал магистр Вейман, чьи лекции Болотов стремился не пропускать. Болотов описывает публичные и частные лекции Веймана. Например, он пишет: «Господин Вейман принял меня с отменною ласкою, и посадив нас, тотчас начал свое дело. Материя, о которой по порядку им тогда говорить следовало, была наитончайшая и самая важнейшая из всей метафизики; как теперь помню, о времени и месте, и он несмотря на всю ее тонкость, трактовал ее так хорошо, так внятно и украшал ее толь многими до обеих философий относящимися побочностями, что я слушал ее с неописуемым удовольствием, и пользуясь дозволением его, не уставал его то о том, то о другом, для лучшего понятия себе, расспрашивать»⁷⁰.

А. Т. Болотов остался поклонником А. Крузиуса на всю жизнь. Возможно, это объясняется и тем, что религиозные чувства А. Т. Болотова более находили отклик в философии А. Крузиуса, чем Хр Вольфа. Для Вольфа Бог – это более философское понятие, предмет рационального познания и обоснования. Естественную теологию Хр. Вольфа современники не случайно называли наукой о Боге. А. Крузиус понимал Бога как библейского творца мира и источника веры, что соответствовало душевным склонностям А. Т. Болотова.

В целом мы можем отметить, что в век увлечения Вольтером, Болотов оставался поклонником немецкой просветительской философии. Отчасти это можно объяснить тем, что религиозно-нравственное направление немецкой мысли в форме пиетизма для русского ума, сосредоточенного на поиске путей самосовершенствования и самопознания, основанного на вере, было ближе рационализма французских философов.

Четыре месяца (март–июль 1862 г.) А. Т. Болотов провел в Петербурге: служил флигель-адъютантом генерал-полицмейстера столицы

⁷⁰ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. С. 527.*

Н. А. Корфа. В это время Болотов имел возможность наблюдать жизнь двора Петра III, что вовсе не вызвало у него положительных оценок.

А. Т. Болотов прожил большую жизнь: он был свидетелем смены восьми правителей – от Анны Иоанновны до Николая I, на его глазах разворачивались дворцовые интриги и перевороты. Он был свидетелем как величия человеческого духа, служения Родине, так и откровенного беззакония. Ему была предложена жизнь при дворе, но он выбирает иное. Сразу после объявления манифеста «О вольности дворян» А. Т. Болотов вышел в отставку. Его поступок в целом вписывался в общую атмосферу эпохи: «Возможность относительно независимого существования после Манифеста о вольности дворянства способствовала возрастанию интереса к социальным технологиям, разработке моделей идеального общественного устройства, а также организации собственной жизни в соответствии с этими идеалами... Идеальный образ утопического “хозяина” разрабатывался не только теоретически, но и практически, в реальной жизни. В этом отношении наиболее ярким примером представляется фигура А. Т. Болотова»⁷¹.

А. Т. Болотов становится «просвещенным помещиком», одновременно создавая идеальную модель жизни и следуя ей. Он посвящает свою жизнь занятию, которое было для него самым ценным – познанию мира. Результатом его исследовательской деятельности становятся тысячи научных статей и деятельность по преобразованию окружающей действительности: образцовое хозяйство и садово-парковый комплекс.

Просвещение пропагандировало идею о разумном хозяйствовании. Эта идея получила распространение и в России. Так, Н. М. Карамзин указывал: «Просвещенный земледелец!.. Я поставлю в пример многих

⁷¹ *Артемова Т. В.* От славного прошлого к славному будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 159–160.

швейцарских, английских и немецких поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их. Кто не слышал о славном цюрихском крестьянине Клейниоке, у которого философы могли учиться философии, с которым Бодмер, Геснер, Лафатер любили говорить о красотах природы, о величестве Творца ее, о сане и должностях человека?»⁷² К такому идеалу необходимо стремиться и в России. Мудрый и просвещенный хозяин должен приложить все усилия, чтобы его крестьяне также были просвещены, ибо просвещение должно охватить всех, а не избранных.

Просвещенный дворянин, дворянин-философ должен тратить время не на балы и развлечения, а на хозяйственную деятельность, в которой он должен выразить все свои передовые идеи: «...ты хочешь *общественного* блага: да будет же первым законом твоим – *просвещение!* Гласом оного благодетельного грома, который не умерщвляет живущего, а напояет землю и воздух питательными и плодотворными силами, вещай человекуам: *созерцайте Природу и наслаждайтесь ее красотою; познавайте свое сердце, свою душу; действуйте всеми силами, Творческою рукою вам данными, – и вы будете любезнейшими чадами Неба!*»⁷³ Эта установка Н. М. Карамзина была близка по духу и А. Т. Болотову.

Осознав, что «рожден не для службы, а для науки», А. Т. Болотов удаляется в свое имение и там пытается реализовать идеал дворянина-философа. Круг интересов А. Т. Болотова широк – он занимается философией, экономикой, юриспруденцией, педагогикой, много переводит, увлекается театром и живописью. Представляют, безусловно, интерес его исторические сочинения, посвященные русско-турецкой войне,

⁷² Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. О древней и новой России. М., 2002. С. 187.

⁷³ Там же. Курсив Н. М. Карамзина.

Французской революции, Отечественной войне 1812 года. «Чуждый стремления к богатству, карьере и славе (все его сочинения и переводы печатались анонимно), имевший репутацию “человека достойного и справедливого” (Державин), Болотов видел смысл жизни в непрерывной деятельности на пользу Отечества. Смелый экспериментатор,.. занимался селекцией, лесоводством, огородничеством, различными ремеслами. С неутомимой энергией Болотов открывал школы (в частности, пансион для благородных детей, волостное училище для крестьян в Богородицке) и лечил крестьян, участвовал в любительских спектаклях, сочинял духовную музыку, рисовал маслом и писал акварели»⁷⁴. В одном из своих сочинений Н. М. Карамзин в заключении писал: «Меня не будет – но память моя не совсем охладает в мире; любезный, нежно-образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: *он имел душу, имел сердце!*»⁷⁵ Можно без сомнения утверждать, что такой же целью руководствовался А. Т. Болотов, создавая свои многочисленные сочинения как поэтические, так и научные, философские.

А. Т. Болотов публикует работы по агрономии и лесоводству, которые высоко оцениваются современниками. В 1768 г. он становится членом Вольного экономического общества. За публикацию «Наказ, или Наставление управителю или приказчику, коим образом управлять ему деревнями в небытность господина» ему присваивают золотую медаль Вольного экономического общества. «А. Т. Болотов – истинный человек своего времени, энциклопедист и просветитель, европейски образованный и по-русски самобытный представитель русской культуры II половины XVIII века, в личности которого отразились основные закономерности культурного развития этого периода»⁷⁶.

⁷⁴ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 116.

⁷⁵ Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении. С. 188.

⁷⁶ Щерблыгина И. В. А. Т. Болотов и его система ценностей. С. 1.

Сфера интересов А. Т. Болотова широка – он ученый, педагог, историк, философ, поэт, журналист. И это тоже было в духе времени, так как «...наука и философия в России в рассматриваемый период были переплетены теснейшим образом. Философ и ученый в большинстве своем – один человек. Наука понималась как средство доказательства философских концепций, а философия – как метод поиска научных истин... Философия и наука были включены в реформирование как государственной системы, так и культурных, религиозных, социальных традиций России. У философии и науки определялась одна общая цель – воспитание гражданина Отечества, просвещенной и свободной личности»⁷⁷.

С 1774 г. А. Т. Болотов в течение 20 лет был управляющим императорскими волостями (сначала Киясовской, а затем Богородицкой). На этом посту он стремился воплотить свои личные идеи, по сути Болотов был первым русским ландшафтным архитектором и теоретиком садового искусства. Свои теоретические идеи он воплощал на практике, поражая современников тем, что стремился придать садово-парковому искусству в России национальные черты. Создав в Богородицке пейзажный парк на основе книг английского ученого Гиршфильда, он показал удивительный мир русского пейзажа.

В 1778 г. А. Т. Болотов приступает к изданию собственного журнала «Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание». Позже он знакомится с известным общественным деятелем и журналистом Н. И. Новиковым и уже совместно с ним издает журнал «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, отзывов, открытий, наставлений, записок и советов». Об этих и других событиях в своей жизни он написал в автобиографическом сочинении «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

⁷⁷ *Ионайтис О. Б.* Философия науки в России. Екатеринбург, 2010. С. 104–105.

Деятельность А. Т. Болотова вписывается в магистральную линию понимания задач просвещения в эту пору. Дворянин, а именно он первый приходит к идеалам Просвещения, должен изменять общественную систему, в которой живет. Но это не должны быть революционные преобразования, это должен быть длительный процесс постепенных реформ и усовершенствований. Тогда общество, народ осознает происходящее, научиться жить по новым правилам и идеалы Просвещения станут реальностью повседневности. Исследование истории развития культуры Тульской губернии, в которой жил А. Т. Болотов, показывает, что «...государственные мероприятия в области образования, развития театрального искусства, библиотечного дела и т. д. только там и тогда имели положительный результат, когда получали поддержку и базировались на инициативе лучших представителей местного общества»⁷⁸. К таковым относился и А. Т. Болотов, чья многоплановая просветительская деятельность была продолжением его теоретических работ.

Благодаря неустанным трудам таких представителей русского Просвещения как А. Т. Болотов, мы можем, исследуя развитие литературы и искусства, книгопечатания и библиотечного дела, утверждать, что культурно-исторические процессы, получившие свое развитие на территории Тульской губернии, имели те же черты, что и развитие отечественной национальной культуры в целом во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., а именно: прогресс в области просвещения, искусства, литературы, книготорговли и книгопечатания, проникновение передовых идей в глубь общества, формирование своей национальной интеллигенции⁷⁹.

⁷⁸ *Глаголева О. Е.* Культура русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в. (Просветительская деятельность в Тульской губернии). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Л., 1987. С. 21.

⁷⁹ См.: Там же.

А. Т. Болотов, как и многие его современники, считал, что просвещенный человек, философ – это человек преобразующий мир вокруг себя. Его деятельность в имении – развитие агрономии, театр, библиотека, школы и т. п. – должно было свидетельствовать о том, как он на практике применяет философские идеи времени и собственные убеждения. Мы можем видеть подобные тенденции, например, у представителей львовско-державинского кружка: «...в кружке Львова создавался идеал гражданина, который делает полезное дело вдали от столицы, вдали от пышности двора, вдали от тех, кто ищет сомнительной славы и фортуны и зависит от благоволения власти»⁸⁰. Эта тенденция усиливается и тем, что Просвещение не только поставило перед человеком высокие задачи как перед гражданином Родины, но и обратило взор на личную, домашнюю жизнь, которая тоже должна быть преобразована исходя из идеалов века Просвещения.

В XVIII столетии город – символ государства, усадьба – частной жизни: «Город выступал от лица нации и государства, усадьба – от имени “малой родины”, родительского гнезда и крова»⁸¹. Именно в семье, домашнем быту философ реализует свои идеи воспитания и образования подрастающего поколения (своих детей), усовершенствование жизни народа.

Жизнь в усадьбе, на природе предполагала сосредоточение на занятиях искусством, что тоже вписывалось в общую схему понимания идеального человека эпохи Просвещения. Так, к примеру, из мемуарной литературы этого времени мы можем представить себе времяпрепровождение современных просвещенных дворян: «Находясь в

⁸⁰ Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры // XVIII век. Сборник 4. М.; Л., 1959. С. 262.

⁸¹ Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 49.

обществе близких и снисходительных друзей, желая удовлетворить то, что мы называем сейчас эстетическими потребностями, здесь,.. фантазировали и дилетантствовали на все лады: “играли” в архитектуру, воздвигали статуи, писали маслом, исполняли миниатюрные портреты, сочиняли стихи, рукодельничали, словом, упражнялись в искусстве иногда артистично и тонко, иногда наивно и неумело, но с неизменным удовольствием и пользой для душевного равновесия»⁸².

А. Т. Болотов своей жизнью воплощал идеал просвещенного человека XVIII в., реализуя себя в самых различных областях. Но не менее отражают его воззрения созданные им стихотворные сочинения. Многие стихотворные сочинения Болотова посвящены философской проблематике, что в целом соответствует одной из наиболее ярких тенденций отечественной философии этого времени: «Русская философия в целом и в ее отдельных проявлениях менее всего напоминает систему, предполагающую границу с другими областями культуры и обладающую некоей внутренней логикой... Таково свойство русской культуры, что отдельные ее области существуют во взаимопроникающем взаимодействии»⁸³.

Себя А. Т. Болотов представлял дворянином-философом, цель жизни которого – преобразовать окружающую действительность так, чтобы у-топия («место, которого нет») превратилось в эй-топию («благословенное место»). Особую роль в этом процессе играет философия. А. Т. Болотов не отделяет свои тексты от жизни. Он «живет в текстах», отражая в них все моменты своей практической деятельности, и наоборот – рассматривая в теории то, что в дальнейшем хочет создать в реальности. Он писал статьи по сельскому хозяйству тогда, когда необходимо было заняться сельским хозяйством, когда нужно было создавать парк в Богородицке, он писал

⁸² Там же. С. 60.

⁸³ *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. С. 624–625.

статьи по теории садово-паркового искусства, желая приобщить к философии свою жену, он пишет трактат «Детская философия», обдумывая направление воспитания своих детей, А. Т. Болотов пишет сочинение «Путеводитель к истинному счастью или опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений», находясь уже в очень преклонном возрасте и задумываясь о грядущем, он создает трактат «О душах умерших людей». А. Т. Болотов «...жил в эпоху гносеологических абсолютов, когда энциклопедизм был нормой, метод познания казался универсальным, талант реализовывался многообразно. Поэтому вполне естественно присутствие в его грандиозном научном наследии, издание которого, по замечанию С. А. Венгерова, могло бы составить 350 томов обычного формата, философских сочинений»⁸⁴.

Философские размышления А. Т. Болотова отражали эпоху, со всеми ее противоречиями и новациями, в которой он жил и писал. Сама структура философского знания начинает радикально, по сравнению с предыдущим периодом, изменяться. К рациональной или теоретической философии в XVIII в. относится физика, логика (умословие) и метафизика. Физика занимается исследованием «знания о естественных телах». Физику вообще часто отождествляли с естествознанием («натуральной философией»). Логика исследует законы ума. Метафизика синтезирует в себе: 1) «натуральное» (естественное) и «рациональное» богословие, то есть «откровенное» и «естественное» знание о Боге; 2) онтологию, то есть знание о всеобщих законах бытия; 3) психологию или пневматологию, то есть знание о душе и духах. Нужно отметить и тот факт, что учение о душе первоначально не разделялось на естественнонаучную и рациональную психологию. Это объяснялось стремлением охватить мир трансцендентальных сущностей и психических явлений в целом.

⁸⁴ *Артемьева Т. В.* От славного прошлого к славному будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. С. 160.

Этика, политика и экономика составляли практическую философию. Теоретическая философия занимается развитием ума, практическая – развитием нравов.

Метафизика, с точки зрения мыслителей XVIII столетия (Козельский Я. П., Рижский И. С., Теплов Г. Н., др.) является центральной частью теоретической философии. Эта тенденция объясняется тем, что в XVIII в. «...философия претендует на научную метафизику, признав по весьма серьезным основаниям немецкие сочинения за образцовые»⁸⁵. Это с одной стороны, а с другой – русская философия XVIII в. «...философизует Его [Бога. – *Е. П.*], превращая Его в деистическое начало, в гаранта закономерностей созданного им мира, в незыблемое основание гносеологического оптимизма и стража социального порядка и человеческой нравственности»⁸⁶.

Соотношение философии и метафизики в XVIII веке было следующим. Философия выполняла функции метода, воспринималась методологией познания, метафизика же была направлена на сам предмет исследования: «Метафизика представляла собой философское познание умозрительных (т. е. достижимых лишь для разума) объектов, не могущих быть описанными математически, но существующих в реальной практике рефлексии и мышления. Ценность метафизики усматривалась в способности исследовать любые объекты, даже те, существование которых не доказано и доказано быть не может»⁸⁷.

Включение в область метафизического исследования гипотетических и принципиально непознаваемых объектов, по мнению отечественных мыслителей XVIII столетия, раздвигает границы познания

⁸⁵ Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. С. 657.

⁸⁶ Там же. С. 657–658.

⁸⁷ Артемьева Т. В. «Область дай уму...» // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII. СПб., 1996. С. 10.

человека, он перестает зависеть в области познания от данных чувств, от результатов опытов, его не смущает отсутствие фактов. Философы XVIII в. понимали спорность подобного подхода, но в то же время видели и его преимущества, ибо «...метафизика – это размышление над явлениями, о которых человек ничего не знает, над объектами, не только существующими и возможными, но несуществующими и невозможными; совершение того единственного акта, который человек, обладающий разумом, может совершить в ситуации, когда ничего иного он сделать не может. Интеллектуальное действие делает его свободным, в определенном смысле это высшее действие, на которое способен человек, роднящее его с Богом»⁸⁸.

Российская метафизика XVIII столетия имела ряд особенностей, которые отличали ее от западноевропейской традиции. Многовековая схоластическая традиция, как это было на Западе, в России отсутствовала, что привело к довольно вольному использованию терминологического и категориального аппарата отечественными мыслителями. Для их языка свойственна многозначительность, вариативность использования одного и того же термина. Часто именно из-за двойного полисемантизма происходило усложнение текста, придавало ему новый метафорический контекст. Слово не «означало», оно «намекало». Этот процесс не упрощался значительным объемом переводной литературы: «Сформировавшиеся в другой культуре понятия воспринимались как прямые метафоры, ибо далеко не всегда было возможно найти для них хотя бы приблизительный понятийный эквивалент в сфере российского менталитета»⁸⁹.

⁸⁸ Там же. С. 11.

⁸⁹ *Артемова Т. В.* Российская метафизика как эстетика. XVIII в. // Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов и выступлений / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. Ч. 2. СПб., 1992. С. 46.

Метафоричность метафизического текста привела к тому, что русские философы стали активно использовать различные жанры литературы для выражения своих идей. Классические жанры использовались в основном для «школьной» философии, вся же остальная озвучивалась в жанрах художественной литературы, поэзии и т. п., что в свою очередь еще более усиливало метафоричность высказываний и требовало от читателя аналогичных способностей к воображению, как и у автора: «Эстетическая насыщенность философских текстов российских мыслителей предполагает особые типы восприятия. Успешное восприятие их предполагает не только со-мыслие, но и со-чувств(ован)ие, не только усвоение логического дискурса, но и погружение в культуру»⁹⁰. Таким образом, философ и читатель его трудов находились в одной плоскости восприятия философского текста.

Тенденция к эстетизации вела порой к беллетризации текста. Поэтому стало, можно сказать традиционным, что, например, размышления о Боге, бессмертии человека или о смысле жизни находили выражение в философской лирике, в эпистолярных жанрах литературы, социально-политические утопии озвучивались в литературных жанрах «сна» или «путешествия».

Метафоризация метафизического текста неизбежно вела к эстетизации его формы. А это, в свою очередь, вызывало стремление к эстетической аргументации. Так, в иерархии аргументов определяющим становится чувственный, в основе которого непосредственное осознание ценности защищаемого положения. К подобным аргументам прибегали при решении вопросов о бытии Бога, о бессмертии души и т. п.

Значительное развитие в русской интеллектуальной истории XVIII столетия получила такая часть метафизики как пневматология – учение о душе и духах. В сочинениях Д. С. Аничкова «Слово о невещественности

⁹⁰ Там же. С. 47.

души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии», М. В. Данилова «Письма к приятелю, содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи», В. Т. Золотницкого «Рассуждение о бессмертии человеческой души, которое утверждается через доказательство Божиего бытия, открывающегося из многочисленных созданий», И. М. Кандорского «Наука о душе или ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия» мы видим развитие различных аспектов пневматологии. Размышления о душе включают в себя достаточно широкий ряд проблем: бытие и сознание, жизнь и смерть, возможность познания и критерии истины, человек и мир, Бог и мир.

Много внимания вопросам метафизики уделил в своем творчестве А. Т. Болотов. Это объясняется и его религиозными исканиями, а также интересом к современной европейской философии. В своем трактате «О душах умерших людей» А. Т. Болотов так обрисовал круг вопросов, необходимых для обсуждения в связи с заявленной темой текста: «*Во-первых*, хотелось бы мне знать: подлинно ли они [души. – *Е. П.*] бессмертны и не умирают вместе с телом, так как многие из нашей братьи думают? И будь в самом деле бессмертны, то чем бы сие неверующим доказать и их в том переуверить было можно? *Во-вторых*: в случае бессмертия оной, в каком образе, виде и состоянии они при умирании людей из тела их выходят? *В-третьих*: куда они деваются? В мире ли здешнем подле нас остаются или куда в иное место переходят, переносятся или препровождаемы бывают? *В-четвертых*: подлинно ли некогда будет воскресение мертвых, и буде подлинно будет, то что с ними до того времени происходит, покуда они при общем воскресении всех мертвых соединятся они с прежними телами своими? *В-пятых*: не бывает ли с состоянием их в течение сего времени каких-либо перемен или не бывает? *В-шестых*: что с ними впоследствии при воскресении мертвых и после

оного? *В-седьмых*: чем судьба и участь каждой из них, наконец, кончится?»⁹¹

Судя по тексту «О душах умерших людей», а также по таким его сочинениям как «Детская философия», «Предполагаемые наугад происшествия на том свете» и «Старик со внуком», А. Т. Болотов испытывал потребность не столько в окончательном завершении своей метафизической концепции, сколько в формулировке собственного взгляда на «вечные вопросы» бытия.

Представления о Боге для А. Т. Болотова связывают все темы философствования воедино в определенную систему: метафизику, гносеологию, антропологию, этику, эстетику. Знание о Боге для человека обязательно, так как делает жизнь осмысленной. Обращаясь к своим детям, госпожа говорит: «А когда вы станете Бога любить совершенно, то не станете и делать, что он хочет, а когда сего не будет, так не будете вы и благополучны, и вот для чего вам о Боге обстоятельнее знать надобно...»⁹².

Бог есть дух, творящий все существующее в мире. Бог имеет разум и волю. Он бесконечен, неизмерим, вездесущ. Бог – всесовершенная причина всего существующего: «...есть Бог и такое Существо, от которого все вещи со всеми своими совершенствами начало и бытие свое получили, так следует уже само собою, что ему самому такому быть надобно, который бы все совершенства в себе имел»⁹³.

Мир состоит из двух начал: духовного и материального (вещественного). Дух есть то, что в этом мире мы созерцать непосредственно не можем, а «...веществом называется то, что мы либо видеть, либо слышать, либо осязать можем, или другими чувствами

⁹¹ Болотов А. Т. О душах умерших людей. СПб., 2006. С. 32–33.

⁹² Болотов А. Т. Детская философия. СПб., 2012. С. 98.

⁹³ Там же. С. 107.

ощущать, и всякая такая вещь называется вещественная вещь или *материя*»⁹⁴. Материальное само по себе существовать, двигаться не может, так как все оживляется духом. Пример тому – человек: как только душа покидает его, тело недвижимо.

Познать Бога в полноте Его бытия, человеку не дано, но это не означает, что стремление к познанию не должно реализовываться. Познавая Бога, человек познает, что есть духовное начало в мире: «Существо же всякого духа состоит в том, что он может мыслить и хотеть, которые свойства называются разум и воля»⁹⁵.

Познание человека начинается с чувств, которые сообщают ему данные об окружающем мире. Науки, развитие которых характерно для современности, расширяют знания человека через различные механизмы и приборы. Познание человека раскрывает перед ним устройство мира: «Одни тела связывают других, а те совокупно третьих. Иные связаны собственно сами собою, другие снаружи посторонними телами держатся в своем соединении, третьих связывают во внутренности посторонние и другие тела и так далее. Одним словом, ни в чем так премудрость Зиждителя не очевидна, как в сем случае. Все вещи на свете друг друга держат, сжимают, связывают, движут, сохраняют в целости или разрушаются. И все точное внутреннее устройство одному только Богу, как Устроителю, известно. А человеческий разум хотя и много уже знает, но во все проникнуть далеко не в состоянии»⁹⁶.

Познание Бога осуществляется не только в богословии, но и через философское, научное знание. Учительница говорит, обращаясь к детям, о значимости изучения физики: «...какое бы понятие вы теперь о Боге и его свойствах и совершенствах не имели, и как бы пространно матушка вам не

⁹⁴ Там же. С. 102.

⁹⁵ Там же. С. 202.

⁹⁶ Там же. С. 332.

описывала и ни изъясняла, но никогда не можете вы иметь совершенного и удостоверительного понятия о Его премудрости, благодати и любви, и прочих совершенствах, естли не будете знать физики»⁹⁷. Физика, поясняется в тексте, есть наука о мире, в котором живет человек.

В человеке соединяются два начала: духовное и телесное. Поэтому изучение души ведет к более полному познанию и Творца.

Рассуждения о бессмертии души у А. Т. Болотова имеют и явно выраженное этическое значение, так как это не только теоретический вопрос, не касающийся повседневной жизни. Так, А. Т. Болотов, рассуждая о причинах атеизма и неверия в бессмертие, пишет о последствиях подобных воззрений: «...не верящие бессмертию души человеческой предаются в жизни своей без всякого спасения и боязни всем беззакониям и порокам и живут иногда хуже самых бессмысленных скотов»⁹⁸.

Понимание вопроса о бессмертии человека имеет и нравственно-социальное значение. Жизнь человека не легка, но если в ней нет опоры – веры в вечную жизнь и справедливость Бога – прожить эту жизнь становится не просто не легко, она обесмысливается и обесценивается. В своем трактате «Опыт нравоучительным сочинениям» А. Т. Болотов рассказывает услышанный им разговор двух крестьян, которые, жалуясь на тяготы своей жизни, перешли к вопросу о смысле терпения несправедливости в мире, а далее – один из спорящих стал утверждать, что смерть абсолютна, смерть тела есть и смерть души, хотя, возможно, предположил один из спорщиков, после смерти душа не умирает, а переселяется в животных и растения. А. Т. Болотов был удивлен: откуда подобные суеверия? А. Т. Болотов, считает необходимым просвещение как народа, так и священников, которые должны нести знание основ христианства в массы. Размышляя на подобные темы, А. Т. Болотов и для

⁹⁷ Там же. С. 207.

⁹⁸ *Болотов А. Т.* О душах умерших людей. С. 34.

себя вновь и вновь ставит вопросы о необходимости глубокого познания основ мироустройства, без знания которых жизнь человека утрачивает смысл.

Этический аспект размышлений А. Т. Болотова о душе человека неоднократно озвучен им в трактате «О душах умерших людей». Так, А. Т. Болотов подчеркивает, что приобретенные в земном бытии склонности души оказывают влияние на ее последующее бытие: страсти, грехи, пороки – «...все они при смерти человека никак не уничтожаются, но с душами их переходят в новую жизнь и там не только не перестают производить своих действий, и собою так ныне они то делают, мучить души, но, пробудясь, все вдруг начинают действовать совокупно и производить тем вящее страдание и мучение, и тем паче, что и они там не могут так же получать своего насыщения и удовлетворяемы быть»⁹⁹. Но со временем души прозревают свои грехи и впадают в безмерные страдания. Знание этого должно быть действенным для человека: зная судьбу порочной души, человек должен приступить к совершенствованию своей души уже сейчас – в земном бытии.

Понятие души объединяет онтологические, гносеологические, антропологические, этические проблемы, выявляя центральный вопрос: Бог и человек – что между ними общего? Именно в таком дискурсе рассматривает философские проблемы в своем трактате «О душах умерших людей» А. Т. Болотов.

Трактат «О душах умерших людей» написан А. Т. Болотовым в форме диалога и следует традиции платоновского «Федона». Вопросы, которые задает старику внук, – «Бессмертны ли души?», «Куда они деваются после смерти?» и т. п. – это вопросы из раздела пневматологии. Отвечая на эти вопросы, А. Т. Болотов демонстрирует идею, что доказательства бессмертия души находятся в различных сферах знания и

⁹⁹ Там же. С. 57.

исходят из «различных случаев, бывших в мире», «откровения Божьего», «заклучений ума».

Приступая к обсуждению доказательств бессмертия души, А. Т. Болотов указывает, что величие и совершенство Бога не позволило бы Ему сотворить не совершенное, более того: «...нельзя было создать человека для единой только нынешней и такой кратковременной жизни, и вродить во все души человеков неутошимое желание к непрерывной жизни, и оставить желание сие без всякого удовлетворения оногo. Ибо в сем случае произвел бы тщетное, безрассудное и всем божественным его свойствам и совершенствам несообразное дело, и какое ему производить никак нельзя»¹⁰⁰.

Когда речь идет о доказательствах, исходящих из способностей ума, А. Т. Болотов использует традиционную метафизико-схоластическую базу, утверждая, что представление о вечности (онтологическое доказательство), желание вечной жизни (психологическое доказательство), наличие у разных народов сходных представлений о бессмертии души (историческое доказательство), несовместимость краткости земного бытия человека с бесконечной божественной премудростью и благостью (теологическое доказательство) свидетельствуют о бессмертии души. Если мы посмотрим на любого человека, утверждает А. Т. Болотов, мы увидим, что все люди любят жизнь и желают жить вечно. Это доказывает, что подобное желание «вложено» в человека изначально, присутствует в нем всю его жизнь, «...а как оно всеобщее желание в нынешней жизни не удовлетворяется и все люди умирают с сим желанием, то не доказывает ли само собой, что надобно быть будущей жизни, в которой сие желание удовлетворится и что Бог не по пустому и не безрассудно в человеков вродил оное, а с великим и святейшим намерением»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Болотов А. Т. О душах умерших людей. С. 35.

¹⁰¹ Там же. С. 35.

Рассуждая о бессмертии души, мы должны, пишет А. Т. Болотов, не только исследовать жизнь и эмоции отдельного человека, но и обращать внимание на закономерности жизни всего человечества. И мы увидим, утверждает А. Т. Болотов, что нет ни одного народа, который бы отвергал идею бессмертия. Даже самые закоренелые идолопоклонники имеют, пусть и ошибочное, но все же представление о бессмертии. Если мы посмотрим на христиан, то тем более уверимся, ибо «...число всех бывших до сего и ныне существующих христиан простирается до несметного количества, и все они, без сомненно, верят бессмертию душ и будущей жизни, в надежде на которую столь многие тысячи мучеников подвергали себя смерти. Ты подумай, мой друг! Неужели все сии несметные тысячи людей были все сумасброды и глупее нынешних господ умников, или прямее сказать, сущих безумцев и глупцов, не верящих бессмертию души и будущей жизни? И неужели все они верили, и верят метам и небылицам, и верование их не имело никакого основания?»¹⁰²

Рассуждения же о «форме», «величине», «фигуре» души могут быть только «гадательными». А. Т. Болотов предполагает, что душа являет собой «эластичное», «эфирное», «тонкое» тело. Душа, как думает А. Т. Болотов, способна перемещаться в пространстве с большой скоростью. Более того, души способны на «космические путешествия», способны поселяться на разных планетах. При этом, то, что душа мыслила и переживала в земном своем бытии, остается с ней на вечно и влияет на ее бытие.

Размышляет А. Т. Болотов о существовании души до рождения в теле, в земном бытии и после него. А. Т. Болотов указывает, что во всех формах своих душа, несмотря на трансформации, сохраняет определенные свойства: «...души наши со времени создания своего и до того времени, как человек зачинается и оживотворяется в утробе матерней, находились с эфирными их телишечками, чрезвычайными все понятия наши

¹⁰² Там же. С. 39.

превосходящим образом сжатыми, а с той минуты, как человек зачнется и оплодотворится, начнет мало-помалу раздуваться и расширяться до величины, какую имеют рождающиеся младенцы, а по рождении продолжает тоже расширяться до совершенного возраста человека. А таким же образом, может быть, и души при выходе из тел умирающих людей удерживают в себе сие свойство, и легко стать может, что даже по произволению своему могут сжиматься и уменьшаться и, наоборот, разжиматься и увеличиваться»¹⁰³.

После окончания земного бытия, как считает А. Т. Болотов, часть характеристик души будет сохранена, а также способность общаться с другими душами. Но пороки, которые были характерны для земной жизни души, после ее окончания душу покинут. Рассматривая текст А. Т. Болотова «О душах умерших людей» мы можем согласиться с такой оценкой: «Пневматологическое сочинение Болотова показывает, что в начале XIX в. “экспериментальная” и “рациональная” психология были еще тесно связаны, хотя тенденции их возможного расхождения были уже намечены. Однако “учение о душе”, стремясь обратиться к сфере “чистой метафизики”, с трудом преодолевает соблазны натурфилософского дискурса. Болотов не может избежать взгляда на душу как на особого рода “вещество”, что сближает его рассуждения с современными спекуляциями обыденного сознания»¹⁰⁴.

А. Т. Болотов, рассуждая о бессмертии души, выстраивает свое видение преобразованного мира бессмертия. Произойдет изменение законов физического пространства, земля, возможно, перестанет быть круглой, исчезнет потребность в солнечном свете, так как везде будет разлит свет Божественной Премудрости. Будущая жизнь будет

¹⁰³ Там же. С. 44.

¹⁰⁴ *Артемьева Т. В.* От славного прошлого к славному будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. С. 162–163.

соответствовать христианским представлениям о рае. А. Т. Болотов предполагает, что будущий мир будет населен только людьми, а если и будут животные или птицы, то только для услаждения людей: «А если и будут какие неизвестных нам родов твари, то разве такие, которые по каким-нибудь отношениям могут когда неполезными быть тогдашним обитателям Земли, так, по крайней мере, почему-нибудь утешительны, как, например, птицы своим пением и своею разнообразию и красотию своих перьев, звери, своими к ним ласками и услужливостию, а может быть, и самим повиновением, как то было в первые дни при Адаме в раю Едемском»¹⁰⁵.

Бессмертные души, по мнению А. Т. Болотова, станут горожанами будущего мира: лучшие будут жить в столице священной империи – Иерусалиме, менее совершенные в других городах. В будущей жизни возможно дальнейшее совершенствование душ и переселение в лучшие города. В будущей жизни сохранятся семейные отношения душ: они будут носить не супружеский, а кровнородственный характер.

В будущем мире блаженные души будут заниматься дальнейшим просвещением и совершенствованием, что выразится в узнавании «... тогдашней природы и устройства оной, а того паче в множайшем от часу познавании всех божественных свойств и совершенств зиждителя мира, а особливо его непостижимой премудрости в устройении оногo и управлении оным. Также в узнавании всего того, что относится до мира духов, до дел и упражнений самих ангелов и других сил небесных. Узнаванием всего того могут они пользоваться при собеседовании с самими ими или с знавшими то более, недели они, знаменитийшими блаженными»¹⁰⁶.

Рассуждения А. Т. Болотова вписываются в общую магистральную линию развития русской философии. «В новое время философия становится

¹⁰⁵ Болотов А. Т. О душах умерших людей. С. 150.

¹⁰⁶ Там же. С. 175.

необходимой частью светской культуры. Она выделяется как вид культурной работы и институализируется в самых различных формах – от академической кафедры до общественно-философского объединения. Монополия религии в общественной жизни и религиозной философии в мыслях культурных деятелей уходит в прошлое. Теперь она – одно из направлений русской философской жизни, а эта последняя имеет дело со всем спектром идейных построений, характерных для европейской мысли нового времени. Вместе с европейцами и в спорах с ними русские философы движутся от метафизики XVIII века к формам философской мысли начала XX в.»¹⁰⁷ Значительный вклад в этот процесс вносит развитие отечественными мыслителями метафизической проблематики, расширяющей проблемное поле философствования. И творческое наследие А. Т. Болотова представляет в этом направлении, безусловно, интерес.

Но о каких бы метафизических вопросах А. Т. Болотов не рассуждал, в итоге все его выводы носили явно антропологическое звучание. Главное, чем человек должен быть озадачен, считал А. Т. Болотов, – использовать во всей полноте те дары, которые Богом даны. В первую очередь разум, который говорит нам о том, что счастье мы можем найти в положительной преобразовательной деятельности. Сам А. Т. Болотов, постоянно занимаясь то театральными постановками, то организацией «русских садов», то сельским хозяйством, то воспитательной деятельностью, считал, что таким образом он исполняет жизненное кредо – борьба с ленью как главным грехом и постоянное совершенствование себя через совершенствование окружающего мира.

Руководствуясь указанным принципом А. Т. Болотов, управляет Киясовской, а затем Богородицкой волостями в Коломенском уезде, в которых создает усадебный комплекс, великолепный парк, пансион для детей служащих, основывает Богородицкий театр, в котором ставят его

¹⁰⁷ Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. С. 655.

пьесы («Честохвал», «Несчастливая сирота», «Награждение добродетели»), занимается журналистской деятельностью. Исследуя жизненный путь А. Т. Болотова, мы видим яркий пример тому, что «...“Дворянин-философ” как субъект философского процесса определил специфику русской философии XVIII в., особенности ее бытия и форм выражения. Он создавал “тексты”, выявление и понимание которых требует особой стратегии прочтения, далекой от полуграмотной старательности интеллектуальных *parvenu*. Философский текст в России XVIII в. органично вписан в культуру и не может быть понят вне соприкосновения со всеми ее значимыми точками. Знакомство с ним не имеет ничего общего с бережливым накоплением сухой и отстраненной информации – это радостное переживание интеллектуального подъема, ощущение полноты жизни и собственной значимости в ней»¹⁰⁸.

Но что характерно для творчества А. Т. Болотова в целом? Это стремление воплотить в собственной жизни и вокруг себя те философские идеи, которые он исповедовал, в основе которых стремление к воплощению идеала, вера в то, что это вполне возможно, если посвятить этой цели всю свою жизнь. «Особенность русского философского отношения к действительности – идеалистическое, идеальное отношение к миру, понимание того, что наличное состояние мира неудовлетворительно и должно быть изменено. Русская философия уговаривает и убеждает человека стать лучше, облагородить среду своего обитания, сделать счастливыми окружение, спасти свою душу и преобразить мир. Основание русской философии всегда был идеализм, вера в спасительную силу идеала и, даже более того, убеждение в его объективном и даже сверхэмпирическом существовании»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ *Артемьева Т. В.* От славного прошлого к славному будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. С. 165–166.

¹⁰⁹ *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. С. 704.

Общественный прогресс, рост знаний и т. п. воспринимались как залог именно подобного понимания законов бытия. «Русские уверены, что как бы ни были идеалы далеки от действительности, это не навсегда... У русского мыслителя идеалы не эмпирически, а существенно реальны, и только от воли и труда человека зависит их перевод из “по-ту-стороннего” в “по-сю-стороннее” существование. Нет идеала как сверхэмпирической реальности – нет ничего... Таким образом, философия у русских имела целью мелиорацию (очищение) души, возвышение ее в область духа. Продолжая линию любомудрия она становилась сотериологией»¹¹⁰. Указанная тенденция ярко проявилась в большинстве сочинений А. Т. Болотова.

Таким образом, мы можем говорить о том, исходя из вышеизложенного, что развитие отечественной философии второй половины XVIII – начала XIX вв. определило развитие философских исканий А. Т. Болотова.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. в русской философии одновременно можно выделить три традиции, определившие ее развитие: современная европейская, христианская, русская. Формируется феномен «философ-дворянин», отражающий современное понимание философа. Развиваются новые формы философствования, особое значение приобретает философская поэзия. Литературные жанры используются для выражения философских идей. Интерес к научному поиску, актуализация его находит отклик в сочинениях отечественных мыслителей. Понимание природы и общества как объектов для деятельности современного человека нашло отражение в трактатах мыслителей этого времени.

¹¹⁰ Там же. С. 704–705.

ГЛАВА 2.

А. Т. БОЛОТОВ В ТРАДИЦИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX В.

Антропология – центральная тематика времени, что прослеживается в сочинениях большинства философов второй половины XVIII – начала XIX вв. «В силу особенностей социального развития России всестороннее осмысление приобретают гуманистические идеи Просвещения и главная из них – проблема человека, которая получила статус базисной, энциклопедической, объединяющей многие философские проблемы, опирающиеся на данные гуманитарных и естественных наук. Во второй половине XVIII в. появляются значительные философские сочинения с оригинальной трактовкой проблем познания, человека, его социального бытия»¹¹¹.

В антропологических воззрениях русских мыслителей второй половины XVIII века сочетаются две основные тенденции времени: человек рассматривается с научной точки зрения, и одновременно – выявляется его связь с Богом. В знаменитой оде «Бог» Г. Р. Державин пишет о человеке следующее:

...Ты [Бог. – *Е. П.*] есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,

¹¹¹ Емельянов Б. В. Три века русской философии. XVIII век. С. 172.

Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб; я червь – я бог!...

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!¹¹²

Проблема «человек и Бог» в XVIII в. приобретает особое звучание. С одной стороны, проникновение атеистической литературы, сциентизм, эмансипация и т. п. оказывали влияние на то, что наблюдалось низвержение старых идеалов. Но одновременно с тем, как бы противостоя этой тенденции, возникали в различные варианты актуализации религиозной тематики, в том числе и в антропологических концепциях. Это можно объяснить тем, что «...русские просветители во всем стремятся к идеалу, им свойственно желание слить чувства и разум в гармоническое единство. Такое органическое соединение чувственного и разумного начал, по их мнению, предохранит личность от отклонений в своем духовном развитии и нравственного разложения»¹¹³.

В желании сохранить и развить идеи духовных и религиозных оснований понимания природы и целей жизни человека может быть

¹¹² Державин Г. Р. Бог // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1981. С. 46.

¹¹³ Абрамов А. И., Егорова И. В. Русское просвещение. С. 391.

объяснено и тем, что, несмотря на все преобразования Петра Великого, в русской культуре оставались актуальными глубинные основы ее традиций. «Творческий поиск ответов на извечные русские вопросы, находящиеся на границе философского и религиозного мировоззрений, делал его экзистенциально ориентированным, обращенным к человеку, его сущности и существованию. Поиск этот делает русскую философию философией жизни, выстраданной в неприятии социального, индивидуального, духовного негативизма человеческого существования»¹¹⁴. Эта черта русской философии, присущая ей всегда и отмеченная Б. В. Емельяновым, во многом объясняет преемственность антропологических концепций в истории отечественного философствования, несмотря на все влияния извне. Все внешние влияния перерабатывались, осмысливались и вписывались в магистральные линии отечественного любомудрия.

Дух времени и идеи Просвещения сказались в интерес к науке и образованию. Отражает значительный интерес к проблеме знаний и трактат В. Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах». Текст отражает культурные реалии времени – изначально ставится вопрос о важности и пользе обучения молодых людей, об обучении в других странах, о целях образования и воспитания. В. Н. Татищев, говоря словами одного из персонажей, утверждает, что «...истинное бо увеселение в детях есть разум и способность к приобретению добра...»¹¹⁵. Разум же без образования развит быть не может. Привычка к обучению должна быть заложена еще в детстве и всячески укрепляема в детях родителями.

Следующий вопрос, обсуждаемый в тексте, может быть назван «вечным». Вопрошающий рассуждает: «...только мне сумнительно, чтоб

¹¹⁴ *Емельянов Б. В.* Национальные особенности русской философии // Емельянов Б. В. История русской философии. Избранное. Екатеринбург, 2015. С. 20.

¹¹⁵ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 51.

подлинно благополучие человека в науке состояло, ибо приклады видим довольные, что неученые в великом благополучии, богатстве и славе, а ученые в несчастии, убожестве и презрении находятся»¹¹⁶. На этот вопрос В. Н. Татищев разъясняет свое мнение следующим образом. Часто люди за благополучие принимают богатство и знатность, успехи в карьере и т. п. Но это не есть истинное счастье, так как те, кто живет по подобным принципам часто бывают несчастны, мучаются совестью, грустью и бессмысленностью своего существования. Разумный человек никогда не будет оглядываться на мнение других, а будет жить так, чтобы быть всегда веселым, довольным и спокойным.

Что же есть наука? Краткое определение науки, по мнению В. Н. Татищева, в следующем: «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать»¹¹⁷. Наука занимается познанием не внешних форм существования человека, а развивает «внутреннее знание». «Внутреннее знание» включает в себя знание того, что человек состоит из временного и вечного, то есть тела и души, знание того, что есть добро и зло, полезно и нужно, что вредно и непотребно. Размышляя о том, из чего состоит человек, Татищев указывает мнения древних и современных мыслителей: Платон, Дицеарх, Парацельс, Марус, Гоббезий, Ньютон, Лейбниц.

Смысл жизни человека, по мнению В. Н. Татищева, заключен в совершенствовании своих способностей с целью наилучшего служения своему Отечеству. Но совершенствовать способности свои человек может не только изучая науки, получая всестороннее образование, но и занимаясь самовоспитанием. В. Н. Татищев много внимания уделяет вопросам воспитания и самовоспитания, считая, что в просвещенном государстве необходимо этим вопросам уделить пристальное внимание, если власть хочет получить не просто образованных граждан, но и просвещенных.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

Такая установка В. Н. Татищева совпадала с общей направленностью времени: «Вопросы воспитания человека, его свободы, обязанностей, как гражданина, были тесно связаны с вопросами взаимодействия верховной власти и общества, отношений человека с государством. Поэтому идеологи консервативного и просветительского направлений особое внимание уделяли не просто проблеме воспитания человека, а говорили о воспитании добродетельного и благородного гражданина – “истинного сына Отечества”»¹¹⁸.

Вопросы воспитания и построения нового просвещенного общества были тесно взаимосвязаны. Характерный пример времени – трактат А. Ф. Бестужева «О воспитании». «Живя в обществе, основанном на свободе и счастье, человек должен быть достойным гражданином. Отсюда интерес просветителей к проблеме воспитания личности»¹¹⁹. Задача воспитания, как пишет А. Ф. Бестужев, – развитие деятельной личности, которая будет стремиться к самопознанию и самосовершенствованию с целью преобразования общества по законам любви, христианства и разума.

Дискуссия в России о целях и задачах воспитания шла на самом высоком уровне. В 1783 г. была издана по высочайшему повелению книга «О должностях человека и гражданина», которая была отредактированным Екатериной II переводом сочинения известного австрийского педагога Иоганна Фильбиргера. Этот перевод был объявлен обязательным для изучения во всех учебных заведениях страны. В книге пропагандировалась идея полного подчинения человека государству, монарху, а также утверждалось, что духовное развитие есть залог счастья и благополучия.

Д. И. Фонвизин выдвинул свою программу воспитания. Он, также как и Екатерина II, считал, что в основе воспитания должно быть

¹¹⁸ *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. Автореферат диссертации доктора исторических наук. М., 1995. С. 39.

¹¹⁹ *Абрамов А. И., Егорова И. В.* Русское просвещение. С. 393.

нравственное воспитание. Но цель воспитания объявлялась им иная. Д. И. Фонвизин считал, что в результате воспитания страна должна получить не безмолвных и не думающих «истуканов», а добродетельных граждан, которые смыслом жизни будут считать служение добру, верность долгу, бескорыстное служение Отечеству, борьбу с несправедливостью и беззаконием. При этом Фонвизин считал, что каждое сословие должно получить приличное воспитание.

Воспитательная программа, разработанная А. Я. Поленовым, включала в себя идеи по воспитанию крестьян, организацией которого должны были заниматься не дворяне, а государство и церковь. Цель воспитания – воспитание «добрых граждан», считающих, что их личное благополучие невозможно без выполнения ими «всех должностей человека».

Дух Просвещения сказался и в вопросе о воспитании. Так, Н. И. Новиков писал о том, что истинное воспитание возможно только в обществе при распространении наук и искусств. Воспитание должно научить человека свободе, чтобы он мог самостоятельно принимать решения, необходимые для пользы государства.

Рассуждая о воспитании, А. Н. Радищев в сочинении «О человеке, о его смертности и бессмертии» указывает на ряд качеств, которые необходимо развить и укрепить в человеке. Важное место среди них занимает чувство сострадания. Но сострадание должно быть осмысленным, «умным состраданием», которое понимает причины происходящего, а главное – видит путь к исправлению трагических стороны бытия общества и человека. Сострадание должно опираться на твердость духа и твердость мысли. Именно в таком сочетании они формируют умного и деятельного гражданина. Пример твердости духа, мысли и деяний, по мнению А. Н. Радищева, демонстрирует русский народ, который в течение всей истории

своего существования твердостью характера и терпением показывает образцы правильного воспитания.

В целом, мы можем согласиться с мнением, что русские просветители «...выдвигали, обосновывали и отстаивали свои программы воспитания юношества, в которых, несмотря на некоторые различия, общим было стремление формировать людей высокообразованных, граждан государства, основанного на законах, обеспечивающих их благо, ненавидящих угнетение человека человеком, мыслящих, а не слепо повинующихся, истинных патриотов своей Родины, которые своей активной деятельностью будут постоянно содействовать борьбе со злом»¹²⁰.

Во второй половине XVIII в. отечественные мыслители активно обсуждали вопросы воспитания и возможности формирования «новой» просвещенной личности через новую систему воспитания и образования. Пример тому – издание журналов о воспитании, в которых активное участие принимали ведущие мыслители своего времени. Так, с 1785 по 1789 гг. издавался журнал «Детское чтение для сердца и разума», в котором активно участвовали Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, А. А. Петров. В этом журнале публиковались оригинальные сочинения русских мыслителей и переводы европейской популярной литературы по данной теме. Например, перевод Н. М. Карамзина повести Жанлис «Les veillées du chateau», в которой через рассказ маркизы детям о жизни семьи маркиза де Клемир раскрываются основные положения современной теории воспитания.

Во второй половине XVIII столетия начинают издавать и специальную литературу по воспитанию, например – в 1797 г. в Университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия вышла книга под следующим названием «Бесценный подарок для благовоспитанных детей, или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие трогательные повести, нравоучительные сказочки, замысловатые басенки,

¹²⁰ *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. С. 44.

занимательные разговоры и небольшие комедии, которых герои большею частью малолетние дети и их родители, воспитатели и наставники».

Такой интерес в это время к воспитанию детей объясняется в целом отношением к пониманию прогресса, его целей, которые уже включают в себя не только великие цивилизационные процессы, но и семейную, личную жизнь человека, которая должна быть преобразована, просвещена. Пример тому – сочинения Н. М. Карамзина.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина являются важной вехой не только развития русской литературы, но и общественной мысли России конца XVIII столетия. В них отражены философско-антропологические искания времени. Понимание человека Н. М. Карамзин связывает с осмыслением таких вопросов как «что такое прогресс?», «какова роль человека в прогрессе?», «что такое истинное просвещение?» и т. п.

Н. М. Карамзин считает, что путь прогресса един для всего человечества, и по этому пути Россия и Европа идут в одном направлении. Прогресс Н. М. Карамзин понимал не только как прогресс науки и техники, но, и это главное, как прогресс мысли, как постепенное совершенствование «ума и сердца», душевного мира человека. На этот истинный путь прогресса Россия вступила в результате реформ Петра Великого. Для Н. М. Карамзина «...тонкость чувств, нежность сердца, гуманность не только идей, но и эмоций делались мерилom цивилизованности общества, и их выражение становилось первейшей задачей литературы. Душевная же тонкость ассоциировалась со способностью к различению оттенков чувств (именно требование различения степеней и оттенков значений – критерия цивилизованности – выдвигало установку на “вкус”, столь характерную впоследствии для карамзинистов)»¹²¹. Описывая современные реалии

¹²¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского

европейского прогресса, Н. М. Карамзин считал, что они станут реалиями прогресса завтрашнего дня России.

Россия вписывается Н. М. Карамзиным в общие законы исторического процесса, в ней действуют те же законы, что характерны и для развития других культур. Так он пишет: «...гений живет во всех климатах, и в России также есть люди с дарованием. Они достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальмы признания у французских или немецких литераторов, но, читая их бессмертные творения, они могут сказать себе: “И мы художники!”. Да, повсюду природа велика и возвышенна; повсюду она поражает наше сердце, приводя в движение тот первоисточник чувствительности, который равно обитает в сердце дикаря и Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, одаренные ею в превосходной степени, которые более других внимательны к феноменам мира физического и нравственного, в которых этот мир вызывает впечатления более живые и более глубокие и которые выражают эти впечатления с большей энергией и с большими оттенками. Таков источник всех талантов, в особенности же талантов поэтических, которые процветали среди русских задолго до Петра Великого»¹²².

Размышляя о европейском прогрессе, Н. М. Карамзин выделял две характеристики, его определяющие: 1) духовное развитие человеческой личности, которое символизировало развитие наук, искусств; 2) социальный прогресс, который отражался в просвещении народа, в расширяющихся границах свободы личности в государстве. Для Н. М. Карамзина прогресс – это одновременное развитие духовной культуры и усовершенствование ее материально-бытовой стороны. Прогресс для Н. М. Карамзина основан на общечеловеческих ценностях и идеалах. Он пишет,

путешественника. Л., 1984. С. 528.

¹²² Карамзин Н. М. Письмо в «Зритель» о русской литературе // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 449.

говоря о просвещении России Петром Великим: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды для человека, то мое, ибо я человек!»¹²³

Н. М. Карамзин пишет: «Человек рожден к общежитию и дружбе»¹²⁴. И прогрессивное развитие обоих этих качеств является важнейшим показателем истинной эволюции. В связи с этими размышлениями, Н. М. Карамзин обращает взор свой на семейную жизнь как показатель истинного, внутреннего просвещения. Он пишет: «Я всегда думал, что дальнейшие успехи просвещения должны более привязать людей к домашней жизни. Не пустота ли душевная увлекает нас в рассеяние? Первое дело истинной Философии есть обратить человека к неизменным удовольствиям Натуры»¹²⁵. И добавляет, обращаясь к читателям своим: «Когда голова и сердце заняты дома приятным образом; когда в руке книга, подле милая жена, вокруг прекрасные дети, захочется ли ехать на бал, или на большой ужин?... Но приятностию общества наслаждаемся мы в коротком обхождении с друзьями и сердечными приятелями, которых первый взор открывает душу; которые приходят к нам меняться мыслями и наблюдениями, шутить в веселом расположении, грустить в печальном. Выбор таких людей зависит от ума супругов; и не всего ли ближе искать их между теми, которых сама Натура предлагает нам в друзья, то есть, между родственниками! О милые союзы родства! вы бываете твердейшею опорою добрых нравов»¹²⁶. Подобные рассуждения Н. М. Карамзина отражают дух времени: философия должна стать основой практической жизни человека, его общественной деятельности, быта,

¹²³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254.

¹²⁴ Там же. С. 34.

¹²⁵ Там же. С. 266.

¹²⁶ Там же.

семейной жизни, воспитания детей. Просвещение как стиль жизни во всех ее проявлениях – вот идеал, который необходимо воплотить в реальности.

Просвещение по-новому поставило проблему человека: в метафизической, гносеологической, социальной проблематике человек воспринимался мерой всего – от целей до средств. «Если XIX в. обычно называют веком Истории и историзма, то XVIII век, как правило, характеризуется как век философии, Разума, Просвещения и классицизма... Не только просветительство, но и другие социально-философские течения XVIII в. (например, масонство) утверждали идею о духовной мощи человека, были преисполнены веры в человека как активного строителя жизни. В философской культуре XVIII в. человек понимался как центр вселенной, как мера всех вещей, как созидатель жизни»¹²⁷.

Интерес к антропологической проблематике в эпоху Просвещения вписывался в целом в традиции отечественного любомудрия. «О русской философии говорят как о философии экзистенциального типа мышления, в котором ценностная, “смысложизненная” проблематика занимает главное место»¹²⁸ и эта тенденция прослеживается от начала средневековой философской мысли и до сего дня.

Конечно, русское Просвещение опиралось на идеи европейского Просвещения, но трактовало многие из них оригинально, учитывая специфику отечественной истории и культуры. Человек понимался как часть природы, ее высшее достижение. Все, что было создано до человека, было создано для него и имеет цель служить человеку. Поэма «Человек» И. П. Пнина – настоящий гимн величию, деяниям человека, который в творчестве преодолевает природную ограниченность своей материальности и возвышается до идеального бытия. Обращаясь к человеку, мыслитель пишет:

¹²⁷ *Абрамов А. И.* Историография русской философии XVIII века. С. 49.

¹²⁸ *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. С. 624.

Природы лучшее созданье,
К тебе мой обращаю стих!
К тебе стремлю свое вниманье,
Ты краше всех существ других...
Едва ты только в мир явился,
И мир мгновенно покорился,
Приняв тебя царем себе.
Ты царь земли – ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней.
Хотя ты прах один возженный,
Но мыслию велик своей!
Предпримешь что – вселена внемлет,
Творишь – все действие приемлет,
Ни в чем не видишь ты препон.
Природою распоряжаешь,
Всем властно повелеваешь
И пишешь ей самой закон¹²⁹.

Пример антропологической концепции второй половины XVIII столетия, созданной под влияние идей Просвещения, является учение о человеке А. Н. Радищева. Философию Радищева можно определить как антропосоциальную и пронизанную идеями Просвещения.

«О человеке, о его смертности и бессмертии» – сочинение принципиально адогматичное, в чем также проявляется дух времени. Это, по сути своей, диалог между А. Н. Радищевым и современными автору философскими школами. «Насыщенное полемическими отступлениями, философское сочинение Радищева содержит диалоги представителей различных школ и направлений философии, гипотетические суждения, предположительные (“гадательные”) решения я. Все это не исключает того,

¹²⁹ Пнин И. П. Человек // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Сост. П. С. Гуревич. М., 1991. С. 410–411.

что в структуре трактата отчетливо выделяются главные проблемы, “многогласность” сочинения ни в коей мере не подчиняется принципам “полифонизма”, хотя (воспользуемся терминологией М. Бахтина) она вполне учитывает “мнение отсутствующего собеседника”»¹³⁰.

А. Н. Радищев предоставляет возможность читателю увидеть и самостоятельно сравнить разные точки зрения. В первой книге звучат материалистически и деистически тенденции, доказывается естественное происхождение сознания, зависимость души от «органов тела», звучат идеи сенсуалистов и тезис о смерти души вместе со смертью тела. В третьей и четвертой книге озвучены идеи идеализма и рационализма, которые приводят к выводу о бессмертии души. А. Н. Радищев предлагает путь синтеза самых плодотворных идей современной философии на почве реализма, опыта и здравого смысла. Эта же логика сказывается на характере методологических установок А. Н. Радищева, и мы можем утверждать, что он «...не был только эмпириком, остающимся в плену фактов; от наблюдения фактов он переходил к их обобщению. Систему философских взглядов Радищева раскрывают нам метод мышления Радищева-писателя в следующей последовательности: наблюдение и чувственное восприятие какого-либо события, фактов – первый опыт; рассуждение по поводу фактов – накопление нового, “умственного опыта”, чтобы в итоге, сблизив однородные явления и устранив случайное, прийти к обобщениям. Так Радищев устанавливает рождение нового представления и убеждения у человека – от непосредственного соприкосновения с действительностью, и только с ней»¹³¹.

Главная тема для философского дискурса – человек. Поэтому, философия, по мнению А. Н. Радищева, самая актуальная наука для современности и для каждого человека.

¹³⁰ Шкуринов П. С. А. Н. Радищев. Философия человека. М., 1988. С. 66–67.

¹³¹ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. С. 440–441.

Онтология, гносеология, этика, эстетика, право, все разделы философского знания, как и знания вообще, концентрируются вокруг одной темы – темы человека. Поэтому, ставя вопрос о человеке, А. Н. Радищев раскрывает его через рассмотрение онтологической, гносеологической, эстетической, этической и социальной, исторической, правовой и экономической проблематики.

Рассматривать человека необходимо в общей связи его с «организацией» мирового целого. А. Н. Радищев ставит вопрос о существовании человека до рождения. Во многом в своих рассуждениях он опирается на концепцию К. Ф. Вольфа, одного из основоположников эмбриологии. Концепция эпигенеза Вольфа вызывала широкие дискуссии в научном мире, ни чужд им был и Радищев. Размышляя, сравнивая закономерности животного и растительного мира, он приходит к следующему выводу: «...человек преджил до зачатия своего, или сказать правильнее, семя, содержащее будущего человека, существовало; но жизни, то-есть способности расти и образовываться лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному; ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смертно. ...нужна необходимо плододетельная влажность мужеская, чтобы воззвать семя из бездетельного к деянию, от полуничтожества к жизни»¹³².

Единство человека с окружающей средой выражается в том, что он, подобно животным и растениям, представляет собой некую совокупность частей, что он – результат, «венец сложений вещественных» и поэтому «единоутробный сродственник, брат всему на земле живущему». О рождении человека, А. Н. Радищев пишет: «...исшел на свет совершеннейший из тварей, венец сложений вещественных, царь земли, но единоутробный сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо

¹³² *Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Избранные философские произведения. М., 1949. С. 276.*

зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу, мху, плесне, металлу, стеклу, камню, *земле*. Ибо, сколь не искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуются вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу»¹³³. Подобное не унижает человека, но наоборот – должно восприниматься базисом для более глубокого познания его.

Рассуждая, А. Н. Радищев постоянно утверждает не только тезис о единстве природного мира и человека, но все же подчеркивает и то, что человека нельзя абсолютно соотносить с природным миром. Совершенствуясь, он и одновременно с тем поднимается над предыдущими ступенями. Человек и мир одно целое, но утверждать, что «человек есть растение» (Ламетри) или «человек есть животное» (Руссо), «человек есть машина» (Монтескье) Радищев однозначно не может.

А. Н. Радищев пишет о том, что связь человека с миром проявляется в том, например, что действия нервной системы человека во многом определяются пищей, которую человек употребляет: «...как пища, поглощенная желудком, превратится в питательное млеко или хил, умножа груды крови в животном, протекает неисчислимыми и неудобозримыми ходами, и очищаясь в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет его состав и, протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда не зренную. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоей мысли»¹³⁴.

Вообще же, задается вопросом А. Н. Радищев, может ли человек знать что-либо более своей телесности? Может ли познать ее? «Устремляй

¹³³ Там же. С. 281.

¹³⁴ Там же. С. 276–277.

мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование свое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела; ибо ты она, все прочее догадка»¹³⁵.

А. Н. Радищев предлагает целостное изучение человека, выделяя три способа анализа его: 1) предметный – рассмотрение человека как данности, уже сформированной, отвлечение от изменчивости его реального бытия; 2) историко-генетический, то есть анализ этапов жизни человека (рождение, становление, смерть); 3) функциональный – исследование деятельности человека в природе и обществе.

Важнейшей функцией человека является познание. А. Н. Радищев считал, что отвлеченные понятия, суждения, умозаключения происходят от первоначальных ощущений, вызванных воздействием на органы чувств предметов и явлений внешнего мира. Но мышление не сводится абсолютно к ощущениям. Определенную роль в познание играет воля, а также такие его феномены как внимание. Человеческое познание рассматривается как сложная целостность, включающая рациональные и чувственные компоненты.

Человек есть тонкое и многоплановое переплетение чувств и разума как в процессе познания, так и в повседневной мысли. Разбирая душевные переживания героя, А. Н. Радищев в «Дневнике одной недели пишет»: «Ужели человек толико раб своея чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно востревожится? О гордое насекомое! дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и в твоей наготе. Гордись своим рассудком, но прежде воспаряй, чтобы острие тебя не язвило и сладость тебе не была приятна»¹³⁶.

¹³⁵ Там же. С. 278.

Прогресс истины и добродетели не возможен без воспитания человека. Источником воспитания выступают природа и общество.

Результаты познавательной деятельности актуализируют человеческие возможности. Истина входит в общественное бытие и в жизнь отдельного человека. Вооружившись силой разума, утверждает А. Н. Радищев, встав на путь просвещения и прогресса, человек выстраивает здание науки: «Однакож, раздробляя, так сказать, силу познания или паче, прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенной, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил непреступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслью Самого Творца. Часто человек нисподал в глубину блуждания и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и Богу подражающ! О, смертный! воспрями от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль ибо она есть искра Божества!»¹³⁷.

А. Н. Радищев утверждает, что человеку присуща склонность к совершенствованию, которое проявляется в его телесном, интеллектуальном, чувственном развитии. Стремление к совершенствованию ведет к эволюции исторических форм человеческого общежития. Главная задача человека – употребить это стремление к совершенствованию добра, а не зла.

Главная «черта» человека, определяющая все в нем, определяющая предназначение человека в природной мира – способность быть свободным. Реализуя свою свободу, как считает А. Н. Радищев, человек может

¹³⁶ Радищев А. Н. Дневник одной недели // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 140.

¹³⁷ Там же. С. 299.

реализовать свои творческие, научные устремления, а главное – стать Человеком. На примере сочинений А. Н. Радищева мы можем утверждать, что «...с XVIII века обращенность к судьбам человека и мира, критика деспотизма и гуманизм становятся основными чертами русской философии»¹³⁸.

Европейские просветители эпохи Просвещения утверждали, что отличительной характеристикой человека является разум. Опираясь на силы разума, человек способен реализовать себя в этом мире, преобразовать природу, создать лучшее общество. Просвещение в разных странах Европы имело свои отличительные особенности: «В Англии, например, оно было следствием революционных событий предыдущего века. Во Франции Просвещение завершилось революцией. В Германии оно было сопряжено с революцией духовной, особенно в области философской мысли. Но каким бы образом ни развивалось просветительство, его общей чертой было стремление к свободе во всех областях жизни общества»¹³⁹. Этот дух свободы был характерен и для отечественных мыслителей XVIII столетия. Так, Григорий Сковорода – один из самых свободолюбивых мыслителей XVIII в., проповедовавших свободу духа и мысли – писал:

Что за вольность? Добро в ней какое?

Инны говорят, будто золотое.

Ах, не златое, если сравнить злато,

Против вольности оно блато¹⁴⁰.

Отечественные мыслители XVIII столетия начинают рассуждать о преодолении рабства, как противоречащего природе человека: «Мысль о том, что человек, при всей своей уникальности, страдает от несвободы, несправедливости, социального неравенства, волновала русских

¹³⁸ Емельянов Б. В. Национальные особенности русской философии. С. 21.

¹³⁹ Столович Л. Н. История русской философии. Очерки. М., 2005. С. 29.

¹⁴⁰ Сковорода Г. С. Избранное. М., 1972. С. 84.

просветителей не меньше, чем вопросы о человеческой природе»¹⁴¹. Свобода объявлялась главной характеристикой человеческой природы, целью человеческой истории и личного самосовершенствования.

Русские просветители, протестуя против рабства, морального и социального закрепощения человека, пропагандировали значимость, ценность, свободу человеческой личности. Не всегда подобная мировоззренческая позиция была безопасной для авторов. Пример тому, известная история с публикацией «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Каждый человек, независимо от социального статуса, свободен, зависим он только от законов разума. Закрепощение человека в любой форме есть попрание его природных прав. Размышляя о правах человека и его свободе, просветители всегда объединяли антропологическую и этическую тематику, что, в принципе, отражает общую для всех времен установку отечественного любомудрия. «...во всех произведениях, в которых есть хотя бы и слабо выраженный философский элемент, вопросы трактуются с этико-религиозной точки зрения, ибо такая точка зрения остается господствующей в русской философии, так что в этом наклоне в сторону этико-религиозных вопросов и в мистическом их решении нельзя не видеть национальные черты»¹⁴².

Просветители, например А. П. Куницын, часто разделяли «внутреннюю свободу человека» и «внешнюю свободу». «Внешняя свобода» это свобода политическая, правовая. Она необходима человеку для совершенствования его нравственных и познавательных способностей,

¹⁴¹ *Абрамов А. И., Егорова И. В.* Русское просвещение. С. 391.

¹⁴² *Радлов Э. Л.* Очерки истории русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 97.

для их реализации. «Внутренняя свобода» есть моральная свобода, которая может быть ограничена только моральными принципами человека.

Если люди равны по своей природе, то это равенство должно быть перенесено на всех сферы жизни. Равенство в общественной жизни, в первую очередь, проявляется в равенстве прав и обязанностей. Но равенство не должно навязываться извне, оно должно быть осознано из внутренних, душевных побуждений человека. Таким образом, и эта проблема выводила русских мыслителей на вопрос о моральных и нравственных устоях личности.

Панморализм всегда был свойственен русской философии. Отечественные мыслители «...даже занимаясь областями философии, далекими от этики, они, как правило, не упускали из поля зрения связь между предметами их исследований и этическими проблемами»¹⁴³. Наиболее ярко эта черта русской мысли сказалась в антропологической тематике. В русской философии, по мнению известного ее исследователя В. В. Зеньковского, «...доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования»¹⁴⁴.

Необходимо также отметить и тот факт, что эпоха Просвещения в России это не только творчество светских мыслителей, но и духовных. Во второй половине XVIII – начале XIX века в православной просветительской мысли России наблюдался подъем интереса к антропологической проблематике. Во многом это было ответом на обмирщение жизни общества, как следствия не всегда осмысленной европеизации и стремления к модным атеистическим идеям. «Значительная часть этой литературы [сочинений духовных авторов. – *Е. П.*], связанной с исследованием метафизики духовных глубин человеческого

¹⁴³ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 515.

¹⁴⁴ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 16.

существования, противостояла механистическому обездушиванию человека, истолкованию его поведению в русле идей социальной механики и атомизма. Именно для духовной литературы оказалось специфично напряженное и углубленное всматривание и проникновение в духовно-нравственный мир человека, осознание трагической раздвоенности личности, анализ предельных философских вопросов жизни и смерти, бренного и вечного, веры и неверия, надежды и безнадежности, смысла и неосмысленности человеческого существования, поиски духовной опоры и путей самопознания и самосовершенствования»¹⁴⁵.

Примером мыслителя указанного направления русской мысли XVIII столетия является Тихон Задонский. В своих сочинениях «Сокровище духовное, от мира собираемое», «О истине евангельского учения» он пишет о двойственности бытия человека: в человеке есть «сокровище духовное», но есть и «сокровенный яд»¹⁴⁶. Тихон Задонский различает «внешнее любомудрие» и «христианскую философию». Много Тихон пишет о вреде невежества, которое должно преодолеваться «правильным», «прилежными рассуждением» и знанием. Ум необходимо постоянно «проверять» верой. Так, например, он пропагандирует следующий тезис: «Разум без просвещения Божия – слеп». Духовный мир человека преобразуется «умным деланием».

Антропологические вопросы рассматриваются Тихоном Задонским в дискурсе православного учения о человеке как «образе» и «подобии» Бога, с опорой на догматы творения, грехопадения, воплощения. Искупления, воскресения и спасения. Образ человека рассматривается в направлении цели его существования – богоуподобление, то есть

¹⁴⁵ *Есюков А. И.* Человек и мир в православной просветительской мысли России второй половины XVIII века. Историко-философские очерки. Архангельск, 1998. С. 71.

¹⁴⁶ См.: *Тихон Задонский, святитель.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2004.

преодоления инаковости души и тела, внеположенности «внешнего» и «внутреннего» человека. В сочинениях Тихона проявляется не только линия апостольского учения, но и антропологии Оригена. В человеке выделяются три составляющих: тело, душа, дух. Дух, как считает Тихон Задонский, это особое состояние внутренней жизни человека. Преображение и обожение в таком ракурсе понимаются как восхождение от «плотского» к «душевному» и «духовному» человеку. Эти три ступени есть три состояния внутренней жизни человека.

Жизнь «плотского» человека это жизнь, определяемая соблазнами, грехами и страстями, своеволием, себялюбием. «Плотский» человек заботится только о сегодняшнем дне и наслаждениях этого дня. Главная черта этого состояния человека – бездуховность.

«Душевный» человек – это человек, который уже встал на путь совершенства, он стремится стать лучше, понять истины христианства. Но все же это несовершенный человек, так как в своих устремлениях он руководствуется личной выгодой. Например, хочет избежать ада. Такой человек поступает хорошо не ради самой истины, а ради того, чтобы и по отношению к нему поступали хорошо.

«Духовный» человек – высшая из возможных ступеней развития человеческой личности, когда любовь к истине не определяется личными, суетными желаниями. Много Тихон Задонский пишет о разуме человека, о значении его в жизни и укреплении веры. Но при этом подчеркивает, что нужно стремиться не просто к разуму, а к «разумному сердцу» или «сердечному разуму». «Духовный» человек соединяет в своем совершенстве разум и сердце и становится, таким образом, целостной личностью. Духовный рост личности это преобразование психофизического состава человека. Он утверждает значимость апокатастазиса – реального восстановления утраченного человеком образа Божьего.

Размышляя о человеке, живущем «здесь и сейчас», Тихон Задонский много пишет о необходимости самопознания как самом важном акте в процессе пробуждения и разума и сердца, а затем и их слияния. Но самопознание не отдельный подвиг человека по пути самосовершенствования. Самопознание должно сопровождаться самовоспитанием. Только сам человек (хотя помощь Бога является основополагающей) должен осуществить путь от «плотского» к «духовному» состоянию. Никто из других людей не может за него пройти его личный путь совершенствования. Самовоспитание это постепенно совершенствование добродетелей и преодоление грехов.

Нужно отметить тот факт, что сочинения духовных мыслителей предназначались не только для церковных деятелей. Их активно издавали и читали. Влияние сочинений многих духовных авторов на светских мыслителей было достаточно значимым. Например, сочинения митрополита Московского Платона¹⁴⁷.

Мы можем заключить, что для антропологических воззрений эпохи Просвещения в России были характерны следующие черты: интерес к познанию человека; уверенность в широких возможностях человеческого разума, обостренное внимание к рациональной аргументации и «логике сердца»; стремление найти общее между верой и разумом; вера в возможность построение гуманного общества на основании идей Просвещения; интерес к педагогике, воспитанию и образованию как средствам формирования нового, просвещенного человека и гражданина. Человек, следовательно – антропология, становятся ведущими темами философских изысканий отечественных мыслителей.

Развитие антропологических представлений во второй половине XVIII – начале XIX столетия отражало общую логику эпохи. XVIII столетие

¹⁴⁷ См.: Платон (Левшин, митрополит Московский). «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...». М., 1996.

в России было веком радикальных перемен в истории, культуре, философии. Но те перемены, которые происходили, не начались вдруг. Уже в XVII в. проявились тенденции, получившие в следующем столетии активное развитие: процесс европеизации начался задолго до реформ Петра Великого, раскол вскрыл проблемы в церковной жизни, обсуждение которых оказывало влияние на развитие не только религиозной, но и философской тематики будущего века Просвещения. Мы можем согласиться с оценкой авторитетного исследователя, что «...петровские реформы взорвали устоявшиеся формы русского образа жизни и обеспечили приток западноевропейских научных и философских идей, затронувших разнообразные стороны русской духовной жизни и стимулировавших ее дальнейшее развитие. С другой стороны, Петровские реформы взволновали широкие народные массы, поставив перед ними и неразрешимые вопросы о вере, о правде, о смысле жизни. Попытки разрешения этих вопросов вылились в специфическую форму духовной жизни народа, а именно: в активность религиозных исканий, в сектантство и старообрядчество, которое вышло из недр такого религиозного движения XVII в, как раскол, и сформировалось в самостоятельное религиозное направление, которое целым рядом исследователей определяется как эсхатологическая разновидность русского православия»¹⁴⁸.

Время, в которое жил и создавал свои сочинения А. Т. Болотов, обостренно поставило проблему человека. С одной стороны, влияние идей европейского просвещения, с другой – традиции и современные реалии православной мысли, формировали одновременно новые представления о человеке и обществе.

В своем трактате «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных и отчасти философических

¹⁴⁸ *Абрамов А. И.* Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации.* Вып. 2. М., 1990. С. 48.

разсуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного» А. Т. Болотов пишет о том, что человек, вне зависимости от возраста и социального положения, воспитания и образования стремится к благополучию, цель которого счастье в жизни: «Сие общее желание сродное себе и действие во всех производит. Ибо как каждое желание нас к удовлетворению себя понуждает, так равномерно и желание благополучия беспрестанно принуждает нас все свои силы и возможности к приобретению благополучия своего употреблять и всякий час о том стараться, почему и натурально каждый человек не только благополучия желает, но и его ищет»¹⁴⁹.

Возникает вопрос: если человечество ищет благополучия всю свою историю и столько философов писали об этом, то почему до сих пор счастье лишь идеал, а не реализованная цель в жизни каждого индивида? Даже те люди, которых считают счастливыми, сами могут быть иного мнения: всегда человеку кажется, что ему чего-то недостает. Ища ответы на эти вопросы у мудрецов, мы можем определить изначальные тезисы, от которых будем далее отталкиваться в наших рассуждениях, пишет А. Т. Болотов: «Во-первых, что совершеннейшее благополучие есть и ему не быть не можно. Во-вторых, что оно совсем не в том состоит, в чем большая часть людей его полагает. В-третьих, что в самом совершенстве его в нынешней жизни получить нельзя, а только до некоторого знатного градуса или степени доводить можно, получение же совершенного предоставлено будущей жизни. А в-четвертых, наконец, что и помянутый градус с тем только условием приобрести можно, когда благополучие прямым и натуральным путем и надлежащими способами искано и приобретаемо

¹⁴⁹ *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного // *Болотов А. Т.* Детская философия. СПб., 2012. С. 362. Далее – Путеводитель к истинному человеческому счастью.

будет»¹⁵⁰. Особое внимание А. Т. Болотов уделяет последнему пункту в дальнейших своих размышлениях.

В этих рассуждениях А. Т. Болотов озвучивает идеал Просвещения: человек должен искать свое счастье, должен самостоятельно, через опыт собственной жизни определить, что есть счастье и найти пути для нахождения благополучия.

Для нахождения своего счастья, подчеркивает А. Т. Болотов, необходимо определиться с двумя вопросами: что есть лично твое счастье и каковы средства его достижения. При чем сделать это возможно только самому, чужое мнение, в большинстве своем, ошибочно.

Изначально несчастье человека является следствием того, что человек неправильно понимает в чем суть благополучия как такового. Философы с древности до современности предлагают разные версии понимания счастья, но в большинстве своем все они ошибаются или правы лишь отчасти. Например, богатство. Многие люди считают, что оно путь и средство к счастью. Но это лишь малая толика истины. Вообще же, замечает Болотов, та или иная вещь может быть полезна или нет в зависимости от того, как правильно мы ее используем и как понимаем суть ее. Само по себе богатство еще не добро и не зло. Вопрос в нашем отношении к нему. Показательно то, что, достигнув богатства, многие становятся еще более несчастны и вспоминают прежнее житие как лучшее. Нет такого периода в жизни человека, чтобы не было у него тех или иных печалей, страданий, проблем.

Ища ответ на вопрос в чем суть счастья, мы должны обратиться к глубинам души нашей и понять, пишет А. Т. Болотов, что именно для нас искомо, чего мы хотим в этой жизни. А. Т. Болотов пишет, рассуждая далее: «Славы ль, чести, высокого ли достоинства, роскошной ли жизни, хорошего ли дома или прочего того подобного кто бы желал, но когда все сии

¹⁵⁰ Там же. С. 364.

желания раздробить, то в самом своем основании будут все они одинаковы. Изю всех выльется, наконец, веселие, и веселия одного все чрез получение оных вещей ищут»¹⁵¹. Но возможно ли нескончаемое веселье в течение всей жизни? Конечно, нет.

Для того, чтобы определиться, что есть для человека благополучие истинное, необходимо понять саму природу человеческого благополучия. Поэтому А. Т. Болотов и задается вопросом: какова наша природа?

Бог создал человека, предназначив его для вечной и абсолютной благой жизни. Но в результате грехопадения эту возможность безмятежного счастья человечество утратило. Несмотря на произошедшее, потенциально человек остается способным к благополучию. С другой стороны, человеку даны воля и разум, чтобы осознать и правильно понять, что есть счастье и это приведет его к блаженной жизни.

Разбирая мнимые и истинные радости жизни, мы, считает А. Т. Болотов, можем прийти к следующим истинам: «Во-первых, что истинное благополучие не от богатства, не от чести, не от роскошей и не от прочих вещественных вещей собственно зависит... Во-вторых, что оно единственно в веселии, происходящем от исполнения наших желаний, состоит. В-третьих, что сему веселию непрерывному и непоколебимому быть надобно, ежели ему совершенное благополучие составлять. В-четвертых, что такого веселия нам в нынешней жизни приобрести никак не можно. А в-пятых, что такое счастливое состояние человек только в будущей жизни получить и оно надеяться может... Сия да будет шестая и самая та истина, которая к теперешнему моему намерению наиглавнейшее принадлежит и собственно до нынешнего благополучия касается, а именно: что хотя в нынешнюю жизнь благополучия совершенно получить и нельзя,

¹⁵¹ Там же. С. 374.

однако можно нам оно в знатном градусе иметь»¹⁵². Но из высказанных суждений, возникает следующий вопрос: каковы степени благополучия?

Отвечая по поставленный вопрос, А. Т. Болотов пишет, что у каждого человека своя, индивидуальная градация степеней счастья, которая постоянно меняется по ходу его жизни и в связи с различными обстоятельствами. «Количество» радости может быть мерилем степени счастья. Но никогда оно не бывает абсолютным и надолго. В целом же, можно заключить следующее, утверждает А. Т. Болотов, что преодоление страданий и печалей есть причина радости, как следствие – счастья. Бог дал человеку все возможности, чтобы усовершенствовать свою жизнь и преодолеть несчастья.

Счастье человека зависит от его желаний. Что из себя представляют желания человеческие? «Желания в сем случае можно нам сравнить с некими живыми и всегда голодными зверьками, в душе нашей находящимися и временем на цепях прикованными, а временем с цепей спускаемых и по воле ходящих. Сии зверки имели б такое свойство, что могут спать и просыпаться и во время сна лежать смирно и спокойно, а когда проснуться или разбужены чем будут, то голод их начинает действовать, и чем чаще они будут разбужаемы, тем более умножается их алчность во время сего голода по мере оною, тревожатся они минутно, мечутся на цепях, рвутся и стараются их прервать и получить волю. Удастся им сие, то делаются они необузданными, начинают бегать, всюду соваться и во всей душе производить многие замешательства»¹⁵³. Страстность делает человека несчастным, уводит от самопознания и от понимания истинного счастья, которое всегда ассоциируется с покоем и гармонией. Когда страсти захватывают человека он ни о чем другом думать не может. Более того – про самого себя забывает.

¹⁵² Там же. С. 378–379.

¹⁵³ Там же. С. 389.

Потенциально в человеке присутствуют самые разные желания и склонности. Пробуждаются они от нашей воли посредством наших мыслей, утверждает А. Т. Болотов. Волей же нашей они и контролироваться должны. Но закономерность следующая: значительно проще развить в себе пороки, чем затем бороться с ними. Первое почти не требует усилий, второе требует сильной воли и значительного напряжения. Печаль состоит в том, что осознание этого правила приходит к человеку слишком поздно, когда грехов и пороков слишком много, чтобы можно было их легко преодолеть, даже если человек осознал их пагубность.

Особенностью природы желаний человеческих является и то, что одно желание порождает второе и т. д. Начинается обычно дело с маленького желания, но затем желание увеличивается и может заполнить собой все сердце человека, начать повелевать им. Желания оказывают влияние и на внешние характеристики человека: от радости лицо человека становится приятнее, красивее, от злобы – искажается и т. п.

А. Т. Болотов, анализируя природу желаний, классифицирует их свойства и выстраивает следующую последовательность: «Все желания наши:

1. Могут спать, и разбужаемы быть.
2. От природы голодны и хотят и могут насыщаемы быть.
3. Ненавидят противного и могут оскорбляемы быть.
4. Могут успокаиваемы или усмиряемы быть.
5. Стремятся к веселию и благополучию.
6. Хотят быть в деле и работать.
7. Не любят трудиться тщетно.
8. Из добрых, могут делаться негодными.
9. Могут увеличиваться и уменьшаться привычками.
10. Могут производить другие желания от себя.
11. Могут воспламеняться и делаться пристрастными.

12. Не во всех человеках одинаких совершенств.
13. Стремясь к вещи, стремятся вкупе и к средствам.
14. Имеют разную степень мужества.
15. Производят некоторые перемены в теле.
16. Стремятся к ясному о вещах понятию.
17. Хотят быть целыми и иметь свое бытие.
18. Стремятся к будущему.
19. Стремятся к возможности вещи или предмета.
20. Имеют вкус, и от того проистекают разные душевные вкусы»¹⁵⁴.

А. Т. Болотов выстраивает структуру желаний человека. Все желания делятся на две группы врожденные и приобретенные. Первые делятся на следующие виды:

1. «Первое человеческое коренное желание есть стремление или склонность к собственному нашему совершенству или желание видеть состояние свое в надлежащем совершенстве и оное от часу совершеннее делать»¹⁵⁵. Благодаря этому желанию человек стремится к счастью и познанию мира. От этого вида желания рождаются следующие желания: желание чувствовать и желание познавать, желание совершенствоваться и поступать согласно разуму, желание развивать волю.

2. «Второе человеческое коренное желание есть стремительство к соединению себя с такими предметами, в которых мы видим и примечаем совершенства или в них оным быть думаем»¹⁵⁶. Это желание проявляется в стремлении созерцать совершенное и любоваться хорошим и прекрасным; стремление владеть и пользоваться совершенными вещами; стремление к нравственной, духовной жизни. А. Т. Болотов так трактует духовную любовь, столь значимую для развития личности человека, которая имеет

¹⁵⁴ Там же. С. 426.

¹⁵⁵ Там же. С. 431.

¹⁵⁶ Там же. С. 432.

следующие свойства: стремление угодить любимому человеку, радость от его благополучия, искание взаимной любви с ним, желание все время находиться рядом и общаться, вера любимому человеку.

Духовная любовь предполагает любовь к ближнему, которая в свою очередь преобразует и совершенствует мир. Преобразование окружающего мира невозможно без преобразования себя, что реализуется только через воспитание тех этических качеств, которые возвышают человека над примитивными формами сосуществования. Одним из таких качеств является любовь к ближнему. Так, в стихотворении «О люблении ближних» А. Т. Болотов пишет:

Старайся ты, колико можно, любить на свете всех людей.

Они все кровные родные по роду и всему тебе...

Любить других людей нам должно не меньше как самих себя,

Нам велено сие от Бога и накрепко подтверждено¹⁵⁷.

Заповедь о любви к ближнему – это не только религиозная норма, но и мудрость, как считает А. Т. Болотов, так как любя других, мы располагаем их по отношению к себе и устанавливаем мирное сосуществование.

3. «Третье человеческое коренное стремление... известно под именем стремления совестного»¹⁵⁸. Это желание формирует личностные качества человека, влияет на его самопознание и познание окружающих. Оно помогает нам преодолеть несовершенства наши и приобретенные пагубные желания.

Желания человеческие в своем бытии подчиняются следующим правилам, пишет А. Т. Болотов:

¹⁵⁷ *Болотов А. Т.* Стихи из сборника «Ни то ни се, или кое-что, могущее служить в пользу, кто иметь ее похочет» // Болотов А. Т. О душах умерших людей. С. 181–182.

¹⁵⁸ *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 434.

«1) Хотим когда мы возбудить в себе какое желание, то надобно стараться производить в себе о той вещи живейшие мысли, к которой то желание стремиться долженствует, или разбудить наперед поболее приличных птичек [мысли. – *Е. П.*], от чего проснется уже и сам зверек [желание. – *Е. П.*]...

2) Когда хотим мы увеличить какое желание, то надобно только почаще его разбужать и давать ему свободу долее действовать.

3) Когда хотим мы уменьшить в себе какое увеличившееся желание, то надобно только стараться о том, чтоб оно реже просыпалось, но как можно долее и более спало, а когда проснется, чтоб меньше действовало, от чего уменьшится оно само собою.

4) Хотим когда мы, чтоб проснувшееся желание скорее опять заснуло и меньше имело времени увеличиваться, то нужно только, скорее помощью произвола прогнать из головы о той вещи мысли, то есть остановить и принудить заснуть птичек, переменив их другими, то заснет зверек тотчас сам собою, ибо без птичек, или мыслей, действовать не может»¹⁵⁹. Желания человека регулируются, утверждает А. Т. Болотов, волей и свободой человека. Следовательно, ответственность за то, какие желания развиты в человеке, несет только он сам.

Бог создал человека разумным, что, по мнению А. Т. Болотова, является указанием на то, что человек должен познавать цель своей жизни и желания, которые приводят или удаляют от этой цели. Цель жизни – развитие добродетелей. Следовательно, разумный человек должен отделить желания, которые к ней ведут, и желания, которые от добродетели удаляют, а далее: следовать первым, избегая вторых.

Желания не должны в человеке находиться в состоянии хаоса. С помощью разума человек должен рассмотреть свои желания, отделить полезные от вредных, укрепить первые и устранить вторые.

¹⁵⁹ Там же. С. 428–429.

Всю свою жизнь человек сталкивается с нравственным злом, с которым должен бороться. Нравственное зло – это все то, что не соответствует воле Бога. Склонность ко злу является во многом следствием того, что человек не хочет познавать мир и тем самым разбираться в сути вещей, его окружающих. Суеверия и предрассудки не менее толкают человека ко злу. Нравственное зло порождает в человеке дурные склонности: лень, излишняя чувственность и склонность к неге, отказ от исполнения обязанностей, самолюбие, корыстолюбие, жестокость пристрастий и аффектов, непостоянство во мнениях, повреждение нравственных принципов. В результате приверженности ко злу, человек становится рабом страстей. В результате, пишет А. Т. Болотов, страсти «... занимают все наше время, так что мы в целые годы, месяцы и недели не находим и нескольких немногих праздных минут на здоровое мышление о себе и о Нем [о Боге. – *Е. П.*] и о истинных своих пользах, но все свои дни и часы на помышления и старания об удовольствовании и насыщении сих внутренних наших злодеев не только в настоящее, но и в будущее и такое время, до которого сами знаем, что не доживем, употребляем и чрез то всего более истинному своему благополучию мешаем и оное не искать, но всякий час разрушать и ему препоны полагать стараемся!»¹⁶⁰

Подобные искажения природы человеческой приводят только к трагедии бытия личности. Преодоление зла двумя способами осуществляется: с помощью Божьей воли и с помощью воли самого человека. Победа над злом не однократный акт, борьба со злом длится всю жизнь человека. А. Т. Болотов дает рецепт основных действий необходимых для преодоления зла, определяя последовательность шагов, которые следует предпринять:

«1. Старайтесь прежде всего узнать, какие в вас худые склонности, страсти и привычки есть и более над вами господствуют.

¹⁶⁰ Там же. С. 478.

2. Узнайте натуру и свойства страстей и все их выгоды и слабости.
3. Примите твердое намерение освободить разум и произвол ваш из-под ига и повелительства страстей.
4. Укрепите произвол приличными ему упражнениями.
5. Запаситесь мыслями, способными противоборствовать страстям и уничтожать их действия.
6. Увеличьте как можно более хороших склонностей, а особливо противных нашим страстям.
7. Не возбуждайте в себе сами худых стремительств.
8. Рассматривайте основание и предметы всякого худого желания и склонности беспристрастно.
9. Пользуйтесь слабостями страстей, а особливо продолжайте сон их убеганием случаев, к возбуждению оных способных.
10. Ловите первые минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуйтесь оными.
11. Примите однажды прямое намерение противиться страстям.
12. Не поддавайтесь им при искушениях и противьтесь до последних сил.
13. От худых успехов не ослабевайте.
14. Призывайте Бога себе на вспоможение и без Него не начинайте своего исправления»¹⁶¹.

Борьба со злом не означает, что человек должен отказаться от радостей и красоты мира, ограничить свою жизнь во всем. А. Т. Болотов пишет, что сама по себе аскеза не есть добро, если она не основана на высших принципах благой любви, также и радость может быть позитивной, если она вырастает из любви к Богу и ближним. Увеселения допускаются, если человек следует принципам: «1) увеличьте в себе любовь к Богу и человекам; 2) приучите себя к мысленным увеселениям; 3) привыкайте к

¹⁶¹ Там же. С. 600.

неубыточным и удобоприобретаемым увеселениям; 4) чувственными увеселениями наслаждайтесь умеренно; 5) пользуйтесь увеселениями разнообразно и не менее будущими и прошедшими, сколько настоящими»¹⁶².

Счастье это всегда покой и гармония, – неоднократно повторяет А. Т. Болотов. Но достичь такого состояния можно только приложив усилия. А. Т. Болотов систематизирует правила, исполнение которых приводит человека к указанному состоянию души и тела: «Первое и наиважнейшее правило к споспешествованию спокойствия нашего духа есть следующее: Приучи себя к благороднейшим нравственным, или духовным, благим, а именно, к сильному желанию добродетели»¹⁶³. Нужно не только понять, что есть добродетель, но и приучить себя к мысли о ее достижимости, а главное – необходимости для личной жизни человека.

Второе правило: «Получение и всегдашнее удержание земных благ не представляй себе никогда совершенно достоверным или крайне надобным»¹⁶⁴. Воспитание в себе независимости от материальных, земных благ – ключ к правильной жизни. Это ключ к свободе человека.

Третье правило: «Сживи с рук излишние прихоти и желания»¹⁶⁵. Разум должен помочь человеку отделить то, что ему действительно для жизни нужно, а что нет. Разум должен помочь определить и средства борьбы со вторым, чтобы сосредоточить внимание на первом.

Четвертое правило: «Уменьши воспламеняющиеся пристрастия и отдали себя от страстей»¹⁶⁶. Разумный человек старается не испытывать себя страстями, что дает душе покой. Достиж такой разумности можно следуя наставлению, как указывает А. Т. Болотов: страсти часто рождаются

¹⁶² Там же. С. 702.

¹⁶³ Там же. С. 705.

¹⁶⁴ Там же. С. 710.

¹⁶⁵ Там же. С. 721.

¹⁶⁶ Там же. С. 725.

из воображения, фантазий и т. п. Поэтому, «...приведите их в порядок, научитесь ценить все вещи по их достоинству и не придавая им такой цены и худобы, какой они не имеют. Перестаньте увеличивать всякое зло и обиды и оскорбления выше меры, а опасности и бедствия почитать чрезвычайными. Рассматривайте их почаще в тонкость, присоединяйте к тому напоминание всех побудительных причин, стыдитесь своей слабости, упрекайте себя ею»¹⁶⁷. А. Т. Болотов также советует все время подражать тем, кто в добродетели достиг высот. Из подражания постепенно выработается привычка.

Все этические нормы, по которым живет человек, взаимосвязаны и следуют одна из другой. Так, истинная любовь невозможна, если не исполняется моральное требование – не судить другого человека:

О! Как не надобно и дурно судить, рядить дела других
И исчислять все их проступки и страсти душ их и сердца!

Когда они чем-либо дурны, так дурны сами для себя,
И не обязаны нимало давать нам в чем-нибудь отчет.

Сего от них имеет право потребовать Единый Бог,
И те только одни из смертных, коим они подчинены.

А мы, способные к таким же поступкам и дурным делам,
Имеем ли какое право судить дела подобных нам?

Нам лучше бы о том помыслить, что мы подвержены тому ж
И так же страсти и пороки нам свойственны, равно как им.

И что свои дела дурные рассматривать имеем долг,
Предписанный самим нам Богом, удалять себя от злых.

К тому ж и то помнить должно, что так же будут и об нас

¹⁶⁷ Там же. С. 729.

Судить и говорить иные, как мы судачим о других¹⁶⁸.

Самопознание есть путь к преодолению страстей. А. Т. Болотов пишет, что человек, познавший себя и смысл мира, может свою жизнь построить по принципам добра, любви и христианских добродетелей, а также исполнять гражданский долг. Жизнь такого человека не пройдет бессмысленно, в пустых затеях и увеселениях, в метании по жизни и бесцельных исканиях: «Познание Бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшее, но вкуче и полезнейшее, и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих. Ибо что нужнее для нас, как знать того, кто бытию нашему причиною и уметь на следующие великие вопросы ответствовать: Что такое мы? Откуда и отчего взялись? Где и в каких обстоятельствах и зачем живем и что с нами впредь будет? И когда несовершенно все сие знать, так по крайней мере, чтоб не быть в рассуждении сих пунктов совсем незнающим, а иметь хотя бы некоторое о том правильное и по нужде уже достаточное понятие? Человек, никогда о том не мыслящий и помышлять никогда не хотящий, почти недостоин того, чтоб он носил на себе сие имя»¹⁶⁹. Автор не только утверждал сказанное, но и стремился воплотить в своей жизни идеал мудрого и добродетельного человека.

Путь самопознания, как это активно пропагандировалось в XVIII столетии, лежит через чтение. «XVIII в России – это век исключительно усердного чтения»¹⁷⁰. Через чтение русский человек усваивал достижения

¹⁶⁸ *Болотов А. Т.* Стихи из сборника «Ни то ни се, или кое-что, могущее служить в пользу, кто иметь ее похочет» // Болотов А. Т. О душах умерших людей. С. 186.

¹⁶⁹ *Болотов А. Т.* Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск, 1990. 332.

¹⁷⁰ *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 148.

европейской и мировой, русской культуры¹⁷¹. Значительное влияние на этот процесс оказало развитие сентиментализма. Литература создавала нового героя, которому подражал в повседневной жизни читатель. Это была «проза о чувстве, а не о событии»¹⁷². В книгах рассматриваются внутренние переживания, эмоции человека. Они занимают лидирующее значение, они рассказывают о герое, с другой стороны – они учат читателя понимать самого себя. Интимный опыт самопознания другого – один из лучших учителей для самопознания себя.

Важным становится не только то, что читать, но и как читать. В этом отношении показателен отзыв А. Т. Болотова на книгу Н. М. Карамзина «Мои безделки»: «Было и то хорошо, что напечатана она была в маленьком и таком формате, что могла служить карманною книжкою и употребляема быть для приятного чтения при прогулках, почему, без сомнения, многие ею будут довольны и пожелают, чтоб господин Карамзин и далее продолжал сим образом свои “безделки”»¹⁷³. Сам Болотов постоянно читал и не расставался с любимыми книгами даже на войне. Он, например, вспоминал, что отправился на Семилетнюю войну с «Телемаком» Фенелона¹⁷⁴.

Но что же необходимо читать для духовного совершенствования, по мнению А. Т. Болотова? А. Т. Болотов резко осуждает увлечение

¹⁷¹ И. И. Дмитриев в 1820-м гг. вспоминал: «В зрелых летах Хераскова читали только просвещеннейшие из нашего дворянства, а ныне всех состояний: купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами» (*Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 20*).

¹⁷² *Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 215.*

¹⁷³ *Губерти Н. В. Андрей Тимофеевич Болотов как критик и рецензент литературных произведений // Губерти Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887. С. 24.*

¹⁷⁴ См.: *Кучеров А. Болотов – литературный критик // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 192.*

авантюжными романами, например – романом Ф. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда». Он считает, что нужно читать книги, «...которые бы могли трогать внутренность сердец и извлекать из читателей слезы удовольствия и чтоб изображениями хороших и благодетельных деяний душа их приводилась в приятные и восхитительные движения»¹⁷⁵. Хвалит Болотов за «нежность и приятность» роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль и София, или Хорошо воспитанные любовники» (М., 1779) и считает его полезным для чтения («даже девицам»). Но при этом, А. Т. Болотов указывает и на недостатки романа: «Впрочем, нельзя не признать, что господин Руссо и в сем сочинении так же как в своем Емиле натягивал струну уже слишком высоко и превосходил иногда уже и пределы натуральности. Он предписывал такие правила, которые удобнее могут почесться умовообразательными, нежели удобопроизводимыми, и такими, которые в самой практике могут быть наблюдаемы. Словом, такие любовники, какими изобразил он своего Емиля и Софию, существуют только в книгах и в умовообразении, а в натуре едва ли подобных им отыскать можно. Да едва ли когда-нибудь и могут быть таковые»¹⁷⁶. Но, несмотря, на высоту идеала, размышления о возможности высоты нравственных качеств полезно само по себе.

Примером размышления А. Т. Болотова о книге как средстве воспитания, а также как о наилучшем средстве познания является статья «О пользе, происходящей от чтения книг», которая была помещена автором в сборник «Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия

¹⁷⁵ Болотов А. Т. Мысли и беспристрастные суждения о романах, как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 207–208.

¹⁷⁶ Там же. С. 213.

себя и другим людям, одним россиянином, сочинившим некогда детскую философию и разные другие книги». В этой статье А. Т. Болотов напрямую связывает развитие прогресса с эволюцией наук и развитие книгопечатания. Но книги служат не только процветанию государства, чтение философских и научных книг приводит человека к правильному пониманию жизни. Например, указывает А. Т. Болотов, изучение книги А. И. Гофмана «О спокойствии и удовольствии человеческом» может не только заставить размышлять о смысле жизни, но и побудить человека к реальным преобразованиям.

Говоря о себе от имени Клеона, А. Т. Болотов пишет, что после прочтения Гофмана он пристрастился к философской, нравоучительной, исторической, богословской литературе. Читая, он познавал себя, выявлял недостатки свои и устремился к их исправлению. Чтение книг привело не только к душевному спокойствию, но и исправлению нрава, поведения. Исследование же собственной души привело его к выводу, что дальнейшую жизнь свою он хочет связать с деревней. В будущей хозяйственной деятельности А. Т. Болотов стремится проявить свои идеи современного просвещенного гражданина и служить Отечеству.

Человек, в отличие от животного, пишет А. Т. Болотов, рождается таковым, что в одиночестве выжить не в состоянии. Только в человеческом сообществе, только через общение человек выживает физически и становится человеком в полном смысле слова. Он пишет: «...между намерениями Создателя нашего неотменно было и то, чтоб мы совершенствами своими и ближним своим несколько обязаны были, или, яснее сказать, он создал нас хотя со всеми способностями, какие только к тому концу потребны, на который мы созданы и на свет произведены. Однако хотел, чтоб способности сии не сами собою, но сперва с помощью других людей, а потом самим тем человеком к надлежащему действию удобными деланы были, дабы чрез то не только всех людей взаимным

связать вспомогательством, но при том и случай бы дать к употреблению той особенной силы на благо, которая столь много нас от зверей отличает и одна к получению награждения способными делает, и которая обыкновенно от ученых *свободностию* называется»¹⁷⁷.

В обществе человек получает образование и воспитание до тех лет пока не становится взрослым. Но это вовсе не означает, что на этом совершенствование человека должно остановиться. И далее уже от самого человека зависит его благополучие, путь же к этому лежит через знания, следовательно – через книги. Через чтение человек узнает не только настоящее, он познает прошлое, всю мудрость человечества, собранную веками и таким образом развивает свой разум.

А. Т. Болотов в своих сочинениях уделяет много внимания проблеме познания. Но познание важно не само по себе, а как путь к самосовершенствованию, как средство самовоспитания. Познание должно вести человека к осознанию смысла собственного бытия. Так, Болотов в диалоге «Старик со внуком, или Разговоры у старого человека с молодым его внуком» пишет, что, приступая к познанию, человек узнает как положительные так и отрицательные свои свойства: «Первая выгода и польза может проистекать вам от того, что вы спознать самих себя и узнать, что вы такое, и какую фигуру, вещь и тварь сочетаете собою в свете, можете наинужнейшим образом чувствовать все сии бесчисленные преимущества, какими одарены вы от Творца пред другими тварями... Вторую выгоду и пользу можете вы иметь от того, что узнаете вкупе и все недостатки с нынешним вашим существованием сопряженные, также слабости, коими человеки в жизнь свою подвержены, и все несчастные следствия величайший вред производящие, в состоянии будете живее чувствовать оные и всю необходимую надобность в стараниях о

¹⁷⁷ Болотов А. Т. О пользе, происходящей от чтения книг // XVIII век. Сборник 21. Памяти П. Н. Беркова / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 1999. С. 365.

поправлении недостатков, и о преодолении слабостей оных, и тем к истинной своей пользе побуждаться»¹⁷⁸.

Познав суть собственных добродетелей и недостатков, человек неизбежно придет к осознанию необходимости их исправления. Поэтому по поводу А. Т. Болотов указывает следующее: «Третья и величайшая выгода и польза может проистечь вам от того, что вы, спознакомившись короче со всем существом своим, а особенно с душой своей и всеми обстоятельствами до ней относящимися, а особенно узнают, чем и каким образом модно человеку все дурные и пагубные в себе стремительства, склонности, страсти и привычки уменьшать, угнетать и отчасти совсем истреблять, а добрые возбуждать и увеличивать»¹⁷⁹.

А. Т. Болотов воспринимал философию как путеводительницу жизни, построенную по принципам мудрости и благого деяния. Подобные установки мировоззрения А. Т. Болотова приводит его к вопросам образования.

Человек, считает А. Т. Болотов, должен в течение всей своей жизни заниматься образованием и самообразованием. В это его гражданский долг, но самое главное – долг перед самим собой и Создателем. Для А. Т. Болотова образование и философия тесно связаны. Эта тенденция вполне объяснима, ведь «...история культуры наглядно свидетельствует, что коренные изменения в области образования, как правило, вызываются процессами, происходящими в философии. Именно она, как “самосознание эпохи”, быстро и очень чутко реагирует на все, что происходит в обществе, в том числе в образовательном процессе того или иного периода. И не только реагирует, но и прямо воздействует на этот процесс. Ведь именно в философии зарождается и формируется новый образ человека, идеал его

¹⁷⁸ *Артемьева Т. В.* Жизнь после жизни // Болотов А. Т. О душах умерших людей. С. 18.

¹⁷⁹ Там же. С. 18.

образования, что определяющим образом влияет на сущность и содержание образования, на его духовно-нравственные ориентиры и ценностные основания»¹⁸⁰. Человек может (и к этому должен стремиться) жить осмысленно, деятельно, но возможно это только если под его ногами твердые основания – принципы, заложенные в него системой воспитания и образования.

Свои идеи воспитания и образования А. Т. Болотов выражал не только в теоретических работах. Он организовал первый в России детский театр, выступая одновременно художником, режиссером, автором пьес, актером. Театр просуществовал два года (1779–1781), в его репертуаре было около 20 постановок.

Центральный тезис рассуждений А. Т. Болотова таков: выстроить собственную жизнь, найти смысл своего индивидуального бытия в мировом бесконечном целом можно только ориентируясь на высшее абсолютное знание, которое выше возможных вариаций субъективного мнения.

Образование, по мнению современников А. Т. Болотова, должно не только воспитывать передовых граждан своего времени, но и счастливых людей. Счастливыми же может сделать только такое образование, когда все сферы жизни человека будут преобразованы по законам разума и гуманизма.

А. Т. Болотов, объясняя цель написания «Детской философии», указывает следующее в автобиографическом сочинении «Жизнь и приключения Андрея Болотова»: задача этого трактата объяснить основные аспекты мироустройства, бытия человека детям так, чтобы впоследствии они могли, опираясь на устойчивый фундамент знаний, сознательно строить свою жизнь, сформировать личное отношение к миру и найти свое место в нем.

¹⁸⁰ Куликов В. В. Метафизика образования в русской религиозной философии XIX века. Чита, 2004. С. 9.

Это сочинение написано А. Т. Болотовым под влиянием известных в его время философско-педагогических сочинений Мари Лепренс де Бомон. Она разработала особый метод объяснения детям религиозно-философских проблем. Сам метод подачи ею материала был заимствован А. Т. Болотовым: все вопросы разбираются в виде диалогов детей и матери, причем эти диалоги вписываются в жанровые сценки из жизни. Но в отличие от Бомон, Болотов уделяет внимание не только религиозным и философским вопросам, он стремится дать детям энциклопедические знания. Так, к примеру, он пишет следующее: «Какое бы понятие теперь о Боге и его свойствах и совершенствах не имели... но никогда вы не можете иметь совершенного и удовлетворительного понятия о его премудрости, благости и любви и прочих совершенствах, если не будете знать физики»¹⁸¹.

В своем сочинении «Детская философия» А. Т. Болотов утверждает следующий тезис: знание не должно являться самоцелью, оно лишь средство к высшей цели – к самопознанию и самосовершенствованию, которые ведут к благополучию и счастью: «Многие люди... весь свой век трудятся и стараются о распространении знания своего, а о употреблении в пользу приобретенных знаний своих совсем позабывают, следовательно, скорлупу одну в орехе гложут, а ядра не замечают»¹⁸².

Все виды знаний, по мнению А. Т. Болотова следует классифицировать по принципу полезности. Наиболее значимы три вида знания: «...во первых, чтобы знать Бога, во вторых, знать мир или свет, в третьих, наконец, чтобы знать человека или самих себя»¹⁸³. Счастье – цель человеческой жизни, но счастье можно достигнуть только правильно выстроив свою жизнь, понимая ее суть, свое предназначение, реализовав свои способности. Достижению этой задачи и служит знание, которое

¹⁸¹ Болотов А. Т. Детская философия. СПб., 2012. С. 207.

¹⁸² Там же. С. 217.

¹⁸³ Там же. С. 215.

необходимо передать ребенку в процессе образования. Поэтому А. Т. Болотов и указывает, что какой бы вопрос мы не рассматривали, он не должен быть абстрактным, удаленным от жизни.

Так же важно отметить и тот факт, что образование тесно связано в концепции А. Т. Болотова с воспитанием. Человек не только должен познать свои добродетели и пороки, но и должен приобрести опыт борьбы со вторыми и укрепления первых. Такой опыт впервые ребенок получает в семье от родителей и воспитателей, учителей. Педагогика для А. Т. Болотова – это синтез образования и воспитания. «Благополучие человека состоит не в материальных благах, считает Болотов, а в состоянии его души, основным средством в достижении жизненного благополучия является самосовершенствование человека, в результате чего он сможет преодолеть нравственное зло, под которым подразумеваются “дурные” склонности человека: корыстолюбие, своеобразие, лень, неверие и т. п.»¹⁸⁴.

Совершенствование человека во многом зависит от самовоспитания. Необходимо, считает А. Т. Болотов, воспитать в себе правильное отношение к жизни. Возможно это сделать только самому. В основе самовоспитания должна лежать идея правильного отношения ко всему окружающему: спокойно воспринимать то, что что-либо отсутствует в твоей жизни и радоваться тому хорошему, что в ней есть. Для воспитания в себе подобных ценностей необходимо следующее: «...во-первых, помышляйте, что все те приключения, которые в человеческую жизнь важное имеют содействие и производят в обстоятельствах и состоянии нашем великие перемены, управляются Божеским промыслом или провидением, что как вы, так и никто не имеет права предписывать оному закону или насильно чего-нибудь требовать; но напротив того всякой человек великою благодарностью Богу обязан за то, что он его произвел и

¹⁸⁴ *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов и его система ценностей. Автореферат кандидата исторических наук. М., 1996. С. 17.

одарил человеческим, то есть таким существом, которое способным его делает к получению вечного блаженства. Во-вторых, помышляйте и рассуждайте о тех вещах, которые имеете, смотря на собственную их доброту, а не в сравнении с теми людьми, которые имеют более»¹⁸⁵.

После того, как человек достигнет успехов в реализации названных принципов, необходимо перейти к следующим: «В-третьих, воображайте себе суету и несовершенство всего временного благополучия, и что оно не принадлежит к существительному и главному концу, на которой наша жизнь назначена. В-четвертых, напоминайте, что не все люди в самом деле таковы благополучны, каковыми они с наружного вида нам быть кажутся... В-пятых, наконец, что в рассуждении как всего человеческого общества, так и собственно самих нас мы дело не лучшим, а худшим еще сделаем, ежели не захотим быть довольными тем, что имеем, и либо у других их права похищать, либо завистью и тоскою себя мучить и терзать станем; ибо тем никому иному, как самим себе досадим и вред сделаем; пользы ж от того не произойдет ни малой»¹⁸⁶.

Человек, идя по сложному пути совершенствования, должен, пишет А. Т. Болотов, совершенствовать душу, сердце, разум и тело. Стремление к гармонии может быть только в гармоничном развитии всех аспектов человеческого существования.

Таким образом, мы можем отметить следующее. Для русской философской мысли XVIII в., на примере А. Т. Болотова, характерно стремление понимать педагогику как единство образовательных и воспитательных идеалов, цель которой – воспитание нового просвещенного человека: знающего, деятельного, нравственного. Такое понимание педагогики стало базовым и для последующих веков русской культуры.

¹⁸⁵ Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 840–841.

¹⁸⁶ Там же. С. 841.

Возвращаясь к проблеме страстей, А. Т. Болотов указывает, что необходимо постоянно следить за своей душой, за всеми своими чувствами и эмоциями. Это позволит вовремя понять происходящее и руководить собой. Если же сам человек не может разобраться в своих страстях и найти путь к добродетели, необходимо узнать ответ у тех, кто по этому пути уже давно идет – у мудрецов и философов. В целом мы можем согласиться с мнением, что философию А. Т. Болотова «...можно охарактеризовать как “философию сердца” и “философию разума”. Душа и сердце, как средоточие души, являются основанием нравственного начала в человеке, которое имеет как рациональное, так и чувственное обоснование. Стремясь преодолеть столь явно обозначившееся в просветительском мировоззрении противоречие между разумом и чувствами, мыслитель обращается к категории “души”, видя в ней средоточие, синтез рационального и чувственного в человеке»¹⁸⁷.

Разум велик, но есть вопросы – такие, как о бессмертии души, о Боге и т. п., – на которые он ответа дать не может. В этой логике рассуждений А. Т. Болотова мы видим мировоззренческую близость его к позиции А. Н. Радищева. Душа человека есть руководство к правильной жизни, да и в целом вся жизнь человека есть, как утверждает А. Т. Болотов, «жизнь души».

В своих сочинениях А. Т. Болотов утверждает характерную для его времени мировоззренческую позицию: просвещенный человек – это человек, который через самопознание приходит к благим деяниям, цель которых – улучшение мира и самого человека.

В целом, мы можем заключить следующее. В центре антропологических концепций Просвещения – учение о новом человеке,

¹⁸⁷ Овчинникова Е. А. «Жизнь души нашей». Нравственная философия А. Т. Болотова // Персонология русской философии. Материалы IV Всероссийской научной заочной конференции / Отв. ред. Б. В. Емельянов. Екатеринбург, 2001. С. 178.

познающим мир, себя и преобразующим окружающую действительность по законам науки, философии. Подобные идеи были характерны для творчества А. Т. Болотова, в антропологической теории которого соединились интеллектуальные традиции средневековой Руси, христианской мысли и новоевропейской философии.

Центральный вопрос антропологии А. Т. Болотова – вопрос о счастье человека, понимание которого формируется из процессов познания и самопознания, воспитания и самовоспитания, образования и самообразования. Природа человека такова, что он предрасположен к счастью и только от него самого зависит – достигнет ли он благополучия. Человек, утверждает А. Т. Болотов, несет личную ответственность за свою судьбу и благополучие.

Правильно выстроенная система воспитания и образования по принципам Просвещения, как считает А. Т. Болотов, является залогом развития личности, воспитания «нового» человека», строящего свою жизнь по законам добра, любви, красоты, знания, веры.

Главная идея, которую пропагандирует А. Т. Болотов в своих сочинениях, что воспитание человека по принципам Просвещения должно вести к преобразованию всего мира и человечества по принципам гуманизма и христианской веры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известный исследователь русской философии XVIII столетия П. С. Шкуринов писал: «Философия России XVIII в. поучительна не своей “заданностью” или “назначением”, но средствами поиска истины. Жизненность отечественных традиций духовной и материальной культуры XVIII в. определила их влияние на новые поколения россиян, славянских и других народов (и национальностей) вплоть до наших дней»¹⁸⁸. И с этим мнением трудно не согласиться, рассматривая сочинения М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. Т. Болотова, других отечественных мыслителей этого времени.

Наше исследование показало, что XVIII век был веком не только европеизации, что само по себе уже было революционным. Но в это столетие русские мыслители, осваивая поистине огромное наследие европейской философии, стремились к сохранению своих национальных традиций. Это сохранение не носило консервативного характера. Традиции отечественного любознания, темы, методы их рассмотрения были осмыслены сквозь призму современной философии и тем актуализированы.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. мы можем видеть уже достаточно ясное осмысление необходимости гармоничного единства философии и науки, просветительского богословия. Это приводило к тому, что в сочинениях отечественных мыслителей этого периода мы наблюдаем следующую логику понимания человека: «Прояснение места человека в окружающем его социокультурном мире в деистическо-материалистической традиции дополнялось и уравновешивалось рационалистическо-просветительским и аскетико-просветительским богословием с их обостренным вниманием к внутреннему миру человека,

¹⁸⁸ Шкуринов П. С. Философия России XVIII века. М., 1992. С. 221.

рассмотрению человека как цели, а не “подножия”»¹⁸⁹. Показательна в этом отношении фигура основоположника отечественной науки – М. В. Ломоносова. Он в своих научных и философских трудах не только заявлял о необходимости синтеза философии и науки, но и постоянно ссылался на авторитет Отцов Церкви (Иоанн Дамаскин, Василий Великий, Григорий Богослов). М. В. Ломоносов писал не только научные трактаты, но и занимался переложением псалмов.

Подобные устремления русских мыслителей во многом были ответом на реалии действительности. Отличительными чертами XVIII столетия, вследствие масштабных преобразований русской культуры как реформами Петра I, так и культурной политикой Екатерины II, стали вера в разум, природное равенство людей, во внесловную ценность человека, в общественный прогресс, в возможность воспитать нового просвещенного человека, в создание светской европеизированной культуры. Одновременно с тем это был век сильной критики суеверий, невежества, ханжества, социальной несправедливости.

Но в русской действительности вместе с, безусловно, положительными идеями европейской культуры, осваивались и иные ее аспекты. Современники отмечают как последствие европеизации падение традиционных ценностей и идеалов в обществе, «падение нравов», нравственный релятивизм. «Следствием некритического заимствования ценностей европейской цивилизации стали расколы в культуре не только по сословному и конфессиональному признакам, но и внутри самих сословий, конфессий, а также в личностном сознании и поведении»¹⁹⁰. Во многом именно ответом на происходящее было устремление деятелей отечественной культуры и философии найти тот мировоззренческий базис,

¹⁸⁹ Человек и мир в культуре России XVIII века / Отв. ред. А. И. Есюков. Архангельск, 1997. С. 197.

¹⁹⁰ Там же. С. 3.

который позволил бы воспринимать новые идеи и сохранять свои традиции. Этот базис, как предполагали мыслители XVIII в., должен сложиться из синтеза философии, науки и веры. Ибо только при этих обстоятельствах мы можем создать целостную культуру и человека, полноценно действующего и развивающегося в ней. В философии второй половины XVIII – начала XIX вв. эта тенденция проявилась достаточно ясно.

В русской философии рассматриваемого периода, как и в творчестве А. Т. Болотова, традиции европейской философии сочетались с традициями православной мысли. Просвещенный человек, по мнению А. Т. Болотова, это человек познающий, активно действующий и преобразующий мир, исходя из идеалов Просвещения, занимающийся самовоспитанием и самообразованием, при этом вся система мировоззренческая должна быть построена на базе христианских идеалов любви, веры.

В целом, можно сделать заключение, что философские воззрения А. Т. Болотова, вся его деятельность отражают эпоху, в которой он жил и создавал свои сочинения, и для которой было свойственно развитие современной секулярной философии, науки и традиций христианской мысли. Изучение философского наследия А. Т. Болотова расширяет наше представление о характере отечественной философии XVIII века, но одновременно с тем задает новые векторы дальнейших исследований.

Несмотря на то, что о XVIII столетии уже многое написано, выясняется, что целая плеяда мыслителей пока только звучит на уровне упоминаний имен, их философское наследие еще ждет историко-философского анализа. Поэтому перспективы исследований отечественной философии XVIII столетия представляются нам многообещающими с точки зрения открытия новых имен и исследований малоизученных страниц века Просвещения в России. Это особенно значимо и актуально, так как трудно не согласиться с мнением авторитетного исследователя этого времени А. И. Есюкова: «...XVIII век – это истоки современной отечественной культуры,

время становления национального самосознания в его литературном, историческом и философском проявлении»¹⁹¹. Философское наследие А. Т. Болотова подтверждает это мнение абсолютно.

¹⁹¹ Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А. И.* Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации.* – Выпуск 2. – М.: Наука, 1990. – С. 48–72.
2. *Абрамов А. И.* Сборник научных трудов по истории русской философии. – М.: Кругъ, 2005. – 544 с.
3. *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. – СПб.: Алетейя, 1996. – 320 с.
4. *Артемьева Т. В.* Метафизический текст. Проблема переводчика XVIII века // *Традиции отечественной философии. Межвузовская научная конференция. Материалы выступлений и тезисы докладов /* Редкол.: А. В. Бодаков, А. А. Галактионов, М. А. Маслин и др. – Ч. 2. – Гродно: Гродненский государственный университет, 1991. – С. 131–133.
5. *Артемьева Т. В.* От славного прошлого к славному будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2005. – 496 с.
6. *Артемьева Т. В.* Российская метафизика как эстетика. XVIII в. // *Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов и выступлений /* Отв. ред. А. Ф. Замалеев. – Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. – С. 45–47.
7. *Бабаев А. В.* Образ человека в русской философии XVIII в. // *Русская философия. Концепции. Персоналии. Методика преподавания. Материалы VII Санкт-Петербургского симпозиума историков русской философии /* Под ред. А. Ф. Замалеева, И. Д. Осипова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. – С. 9–11.

8. *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. – М.: Наука, 2006. – 448 с.
9. *Бахтина А. А.* Историческое свидетельство или художественное произведение? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – № 4 (2). – С. 20–25.
10. *Бахтина А. А.* Нравственные позиции А. Т. Болотова и Н. И. Новикова как отражение исторической эпохи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – № 2 (1). – С. 288–291.
11. *Бахтина А. А.* Трансформация сюжета и характера героя мемуаров А. Т. Болотова в произведениях русской литературы XX в. Автореферат кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2013. – 21 с.
12. *Бахтина А. А.* Художественная трансформация мемуарного текста (на примере «Жизнь и приключения Андрея Болотова») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – № 1 (1). – С. 342–347.
13. *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 272 с.
14. *Безобразова М. В.* Розовое и черное из моей жизни. – М.: Аграф, 2009. – 480 с.
15. *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. – М.: Агропромиздат, 1988. – 143 с.
16. *Блок А.* Болотов и Новиков // Блок А. Собрание сочинений. – Л., 1934. – Т. 2. – С. 7–80.
17. *Болдырев А. И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. – М.: Издательство московского университета, 1986. – 119 с.
18. *Болотов А. Т.* Детская философия. – СПб.: ИД «Петрополис», 2012. – 854 с.

19. *Болотов А. Т.* Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах // *Российский Архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – Альманах.* – М.: Студия ТРИТЭ; Российский Архив, 1992. – С. 471–539.

20. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. – М.: Книга по требованию, 2011. – 560 с.

21. *Болотов А. Т.* Избранное. – Псков: Издательство ПОИПКРО, 1993. – 352 с.

22. *Болотов А. Т.* Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. – М.: Московское общество испытателей природы, 1952. – 512 с.

23. *Болотов А. Т.* Избранные труды. – М.: Агропромиздат, 1988. – 416 с.

24. *Болотов А. Т.* Из неизданного литературного наследия // *Литературное наследие.* – М., 1933. – Т. 9–10. – С. 153 – 221.

25. *Болотов А. Т.* О душах умерших людей. – СПб.: Алетейя, 2006. – 204 с.

26. *Болотов А. Т.* Памятник претекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. – Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 208 с.

27. *Бубнов Ю. А.* Древнерусский секуляризм и формирование идеологии просветительства. От крещения Руси до начала петровских преобразований. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – 130 с.

28. Введение в русскую философию / Лазарев В. В., Абрамов А. И., Авдеева Л. Р. и др. – М.: Интер-пракс, 1995. – 304 с.

29. *Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.* Очерки истории русской философии. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – 592 с.

30. *Веселова А. Ю.* А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? // XVIII век. – Сборник 22 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 2002. – С. 190–199.

31. *Веселова А. Ю.* Из наследия А. Т. Болотова: Статья «О пользе, происходящей от чтения книг» // XVIII век. – Сборник 21. Памяти П. Н. Беркова / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 1999. – С. 358–367.

32. *Веселова А. Ю.* Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. – Сборник 24 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 2006. – С. 206–218.

33. *Веселова А. Ю.* Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова: литературная критика и садово-парковое искусство. Автореферат кандидата филологических наук. – СПб., 2000. – 18 с.

34. *Водоводов Н. В.* А. Т. Болотов – писатель XVIII века // Ученые записки Московского городского педагогического института. – М., 1960. – Т. 107. – Выпуск 10. Кафедра русского языка. – С. 27–42.

35. *Волперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. – М.: Московский государственный университет, 1970. – 211 с.

36. XVIII век. – Сборник 12. А. Н. Радищев и литература его времени / Под ред. Г. П. Макогоненко. – Л.: Наука, 1977. – 260 с.

37. *Глаголева О. Е.* Культура русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в. (Просветительская деятельность в Тульской губернии). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. – Л., 1987. – 23 с.

38. *Гнеушева Р. Д.* Эстетические воззрения русских поэтов в контексте литературного развития (XVIII – начало XIX вв.) // Гуманитарные исследования. – Чита, 2001. – № 5. – С. 361–372.

39. *Гошевский В. О., Закондырин Е. В., Павлов С. И.* Проблемы человека и общества в истории русской философии: В 2 ч. – Ч. 1. – Мурманск: Издательство МГТУ, 2010. – 260 с.

40. *Гулыга А. В.* Уроки классики и современность. – М.: Художественная литература, 1990. – 382 с.

41. *Державин Г. Р.* Стихотворения. – Л.: Художественная литература, 1981. – 288 с.

42. *Дробова Н. П.* Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // XVIII век. – Сборник 13. Проблема историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. / Отв. ред. Г. П. Макагоненко, А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1981. – С. 275–282.

43. *Дробышев В. Н.* Религиозный страх и русское мировоззрение // Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов и выступлений / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. – Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. – С. 25–27.

44. *Евламтеев И. И.* История русской философии. – М.: Высшая школа, 2002. – 584 с.

45. Екатерина Великая: эпоха российской истории. В память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) и к 275-летию Академии наук. Тезисы докладов / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: СПбНЦ, 1996. – 327 с.

46. *Емельянов Б. В.* История русской философии. Избранное. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2015. – 460 с.

47. *Емельянов Б. В.* Русская философия в портретах. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – 512 с.
48. *Емельянов Б. В.* Русская философия как человековедение. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – 331 с.
49. *Емельянов Б. В.* Три века русской философии. XVIII век. Учебное пособие. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – 428 с.
50. *Емельянов Б. В.* Три века русской философии (XVIII–XX вв.). Учебное пособие. – Екатеринбург; Нижневартовск: Издательство Уральского университета; Издательство Нижневартовского педагогического института, 1995. – 226 с.
51. *Емельянов Б. В.* Этюды о русской философии. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1995. – 264 с.
52. *Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б.* История отечественной философии XI–XX веков. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. – 830 с.
53. *Ермичев А. А.* Имена и сюжеты русской философии. – СПб.: Наука, 2014. – 712 с.
54. *Ермичев А. А.* О философии в России. Исследования, полемика, заметки. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 117 с.
55. *Есюков А. И.* Философские аспекты русской богословской мысли (вторая половина XVIII – начало XIX в.). – Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2003. – 329 с.
56. *Есюков А. И.* Человек и мир в православной просветительской мысли России второй половины XVIII века. Историко-философские очерки. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 1998. – 184 с.

57. *Замалеев А. Ф.* Лекции по истории русской философии. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. – 338 с.
58. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. – Л.: ЭГО, 1991.
59. Идейное наследие русской философии. Труды кафедрального историко-философского семинара / Отв. ред. А. Ф. Замалеев, И. Д. Осипов. – СПб.: Издательско-торговый Дом «Летний сад», 2000. – 183 с.
60. *Ионайтис О. Б.* Неоплатонизм в русской средневековой философии. – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2003. – 252 с.
61. *Ионайтис О. Б.* Николай Михайлович Карамзин: Путешествие как поиск себя // Дискурс Пи. – Выпуск 5. Дискурс идентичности./ Под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Дискурс Пи, 2005. – С. 58–61.
62. *Ионайтис О. Б.* Философия науки в России в XVIII веке. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – 112 с.
63. *Ионайтис О. Б., Пенькова Е. А.* А. Т. Болотов – русский философ XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2004. № 4, ч. 1. С. 84–87.
64. История русской философии. Учебник для вузов / Редколл.: М. А. Маслин и др. – М.: Республика, 2001. – 639 с.
65. *Калитин П. В.* Парадоксальные особенности секуляризации в России XVIII века // Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. – М.: ЭкоПресс-2000, 2001. – С. 95–98.
66. *Карамзин Н. М.* О древней и новой России. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – 480 с.
67. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. – М.: Захаров, 2005. – 496 с.

68. *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). – М.: Наука, 1994. – 378 с.
69. *Копалов В. И.* Курс лекций по русской философии истории. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – 258 с.
70. *Коровин В. Л.* Болотов А. Т. // Православная энциклопедия. – Т. 5. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. – С. 661–663.
71. *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма // XVIII век. – Сборник 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте / Отв. ред. А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1983. – С. 121–142.
72. *Кочеткова Н. Д.* Сентиментализм и Просвещение (О преемственности идей в русской литературе конца XVIII – начала XIX века) // Русская литература. – М., 1983. – № 4. – С. 22–37.
73. *Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление. Автореферат кандидата филологических наук. – М., 2013. – 24 с.
74. *Кузнецова Н. И.* Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. – М., 1989. – № 3. – С. 49–64.
75. *Куликов В. В.* Метафизика образования в русской религиозной философии XIX века. – Чита: Издательство ЗабГПУ, 2004. – 173 с.
76. *Кучеров А.* Болотов – литературный критик // Литературное наследие. – М., 1933. – Т. 9–10. – С. 191–193.
77. *Лазарев В. Я.* Жизнь и приключения Андрея Болотова // Альманах библиофила. – Выпуск 4. – М.: Книга, 1977. – С. 182–188.
78. *Летопись русской философии. 862–2002 / Ред.-сост. А. Замалеев.* – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2011. – 348 с.
79. *Ломоносов М. В.* Сочинения. – М.: Современник, 1987. – 444 с.

80. *Лосский Н. О.* История русской философии. – М.: Сварог и К, 2000. – 496 с.

81. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 399 с.

82. *Любченко О. Н.* Есть в Богородицке парк. – Тула: Приокское книжное издательство, 1984. – 112 с.

83. *Малявин С. Н.* История русской социально-философской мысли. – М.: Дрофа, 2003. – 256 с.

84. *Мильков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – М.: Прогресс, 1993.

85. *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 264 с.

86. *Морозов И.* Болотов – публицист // Литературное наследие. – М., 1933. – Т. 9–10. – С. 153–163.

87. *Морозова Н. П.* Русский писатель XVIII века в биографических преданиях // XVIII век. – Сборник 17 / Отв. ред. А. М. Панченко. – СПб.: Наука, 1991. – С. 162–168.

88. *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. Автореферат доктора исторических наук. – М., 1995. – 63 с.

89. Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вст. ст. Т. В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – 316 с.

90. *Николаев С. И.* Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. – Сборник 24 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. – СПб.: Наука, 2006. – С. 82–95.

91. *Николаева Т. А.* Проблема человека в философском наследии русского масонства XVIII – начала XIX в. Автореферат кандидата философских наук. – Мурманск, 2011. – 20 с.

92. *Никулина О. В.* Кантианство в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Персонология русской философии. Материалы IV Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Б. В. Емельянов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – С. 173–177.

93. *Новиков С. М.* Болотов: документально-историческая повесть. – М.: Советская Россия, 1983. – 336 с.

94. *Новиков С. М.* Корни. Художественно-документальная повесть. – М.: Советская Россия, 1978. – 304 с.

95. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Русская философия истории. Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 399 с.

96. Общественная мысль России XVIII века: В 2 т. / Сост. Т. В. Артемьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

97. *Овчинникова Е. А.* Русская этика эпохи Просвещения // Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов и выступлений / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. – Ч. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. – С. 47–49.

98. *Пенькова Е. А.* А. Т. Болотов: задачи педагогики в век Просвещения // Актуальные проблемы педагогики и психологии. Сборник статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014 – С. 238–240.

99. *Пенькова Е. А.* Болотов А. Т. о смысле жизни человека // Культура. Духовность. Общество. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / Под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – С. 98–102.

100. *Пенькова Е. А.* Взаимовлияние антропологической и гносеологической проблематики в русской философии XVIII в.: А. Т. Болотов // Достижения вузовской науки. Сборник материалов VI

Международной научно-практической конференции / Под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – С. 151–156.

101. *Пенькова Е. А.* Метафизика в России XVIII в: А. Т. Болотов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 125–128.

102. *Пенькова Е. А.* Образ человека в русском Просвещении: А. Т. Болотов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». – Екатеринбург, 2014. – № 2 (128). – С. 184–191.

103. *Пенькова Е. А.* Основные положения этической концепции А. Т. Болотова // Система ценностей современного общества. Сборник материалов XXXI Международной научно-практической конференции / Под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – С. 19–24.

104. *Песков А. М.* «Русская идея» и «русская душа». Очерки русской историософии. – М.: ОГИ, 2007. – 104 с.

105. *Платон (Левшин, митрополит Московский).* «Из глубины возвах к Тебе, Господи...». – М.: Паломник; Русский Двор, 1996. – 352 с.

106. *Понкрашова О.* Охотник до садов российских // Цветоводство. – М., 2009. – Май – июнь. – № 3. – С. 30–33.

107. *Привалова Е. П.* А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. – Сборник 3 / Отв. ред. Г. А. Гуковский. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1940. – С. 242–260.

108. *Привалова Е. П.* Вопросы воспитания в книге А. Т. Болотова «Детская философия...» // Труды Ленинградского библиотечного института. – Л., 1957. – Т. 2. – С. 303–316.

109. *Привалова Е. П.* О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. – Сборник 6. Русская литература XVIII века.

Эпоха классицизма / Под ред. П. Н. Беркова. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 258–268.

110. Русская средневековая философия. Учебное пособие / Сост., коммент., вступ. ст. О. Б. Ионайтис. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – 252 с.

111. Русская философия XVIII века. Хрестоматия / Сост. С. В. Аржанухин, Б. В. Емельянов. – Екатеринбург: СУНЦ, 1994. – 73 с.

112. Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия / Сост., библиогр. Ст. и прим. Б. В. Емельянова. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. – 400 с.

113. Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии / Под ред. М. А. Маслина, Б. В. Межуева, В. В. Сербиненко. – М.: ЭкоПресс-2000, 2001. – 256 с.

114. Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Тезисы докладов и выступлений / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. – Ч. 1. – 84 с.

115. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – 656 с.

116. Русская философская поэзия. Четыре столетия / Сост. А. И. Новиков, Отв. ред. А. Ф. Замалеев. – СПб.: Наука, 1992. – 396 с.

117. *Сапронов П. А.* Русская философия. Опыт типологической характеристики. – СПб.: Церковь и культура, 2000. – 396.

118. *Светлов Л. Б.* Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. – Отделение литературы и языка. – М.: АН СССР, 1961. – № 4. – С. 326–331.

119. *Сербиненко В. В.* Русская философия. Курс лекций. – М.: Омега-Л, 2006. – 464 с.

120. Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 1 (А–И) / Отв. ред. А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1988. – 360 с.
121. *Солодкий Б. С.* Русская утопия XVIII в. и нравственный идеал человека // *Философские науки.* – М., 1975. – № 5. – С. 92–101.
122. *Столлович Л. Н.* История русской философии. Очерки. – М.: Республика, 2005. – 495 с.
123. *Сухов А. Д.* Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. – М.: ИФ РАН, 1995. – 157 с.
124. *Сухов А. Д.* Русская философия: характерные признаки и представители, особенности развития. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 640 с.
125. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. – Л.: Наука, 1979. – 464 с.
126. *Тебиев Б. К.* Издано Н. И. Новиковым // Тайны книжных переплетов: из записок книжника. – М.: Пашков дом, 2008. – С 28–40.
127. *Тихон Задонский, святитель.* Избранные труды. Письма. Материалы. – М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2004. – 752 с.
128. *Федоров А. А.* Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII – первая треть XIX века). – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 232 с.
129. *Федоров А. А.* Новоевропейская философско-мистическая традиция в России в последней трети XVIII – первой трети XIX веков // Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. – М.: ЭкоПресс-2000, 2001. – С. 210–213.
130. *Феофилакт Лопатинский.* Избранные философские произведения. – М.: ИФ РАН, 1997. – 219 с.

131. *Философский век. Альманах. – Выпуск 2. Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии. Материалы Международной конференции / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: Б. и., 1997. – 223 с.*

132. *Философский век. Альманах 33. Карл Линей в России / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2007. – 214 с.*

133. *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.

134. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – 600 с.

135. *Фомин В. Е.* Национальный дух: метафизическое основание русской религиозной философии. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2002. – 169 с.

136. *Фридендер Г. М.* История и историзм в век просвещения // XVIII век. – Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. / Отв. ред. Г. П. Макагоненко, А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1981. С. 66–81.

137. *Христиан Вольф и философия в России / Ред.-сост. В. А. Жучков. – СПб.: РХГИ, 2001. – 400 с.*

138. *Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников. – СБ. 2. – СПб.: Наука, 1996. – 427 с.*

139. *Царева В. П.* Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века. Автореферат кандидата филологических наук. – Л., 1978. – 16 с.

140. *Человек и мир в культуре России XVIII века / Отв. ред. А. И. Есюков. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1997. – 199 с.*

141. Человек – культура – общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований. Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М. В. Ломоносова / Отв. ред. В. В. Миронов. – Т. 1. – М.: Современные тетради, 2002. – 277 с.

142. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Редкол.: И. Т. Фролов и др. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

143. *Шайтанов И. О.* Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. – М.: Прометей, 1989. – 259 с.

144. *Шамедько Н. В.* Андрей Тимофеевич Болотов как педагог просветитель. Автореферат кандидата педагогических наук. – Калининград, 2009. – 27 с.

145. *Шапошников Л. Е., Федоров А. А.* История русской религиозной философии. – М.: Высшая школа, 2006. – 447 с.

146. *Шкловский В. Б.* Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове. – М.: Красная Новь, 1928. – Книга 12.

147. *Шлейтере С. В.* Философия Г. Н. Теплова. Автореферат диссертации кандидата философских наук. – М., 1996. – 21 с.

148. *Щеблыгина И. В. А. Т.* Болотов в Кенигсберге (К вопросу о формировании мировоззрения Болотова) // Вестник Московского государственного университета. – Серия 8. История. – М., 1995. – № 3. – С. 66–74.

149. *Щеблыгина И. В. А. Т.* Болотов и его система ценностей. Автореферат кандидата исторических наук. – М., 1996. – 27 с.

150. *Эрн В. Ф.* Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 576 с.

151. *Яковенко Б. В.* История русской философии. – М.: Республика, 2003. – 510 с.

152. *Яковенко Б. В.* Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000. – 976 с.
153. *Ястребов И. Б.* Лекции по русской философии XIX – начала XX века. – М.: Московский коммерческий университет, 1993. – 96 с.